

ВСЕХ ПОДРЯД

АНГЕЛЫ ОТПЕВАНУ



БОЕВИК

О.ДЖУРКС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Джурко

**Ангелы отпевают
всех подряд. Боевик**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Джурко О.

Ангелы отпевают всех подряд. Боевик / О. Джурко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Кровач – нестерилизованный герой с накладными мускулами. Кровач случайно наткнулся на чемодан с долларами. Весь мир бросился в погоню за счастливым. Отщипнуть от шального миллиона стремятся и бандиты, и деревенские бабы, и адвокаты. В конце концов - и жена. Жестоко, по справедливости наказали преследователей Судьба и Кровач. Существует путь к цели простой, как плевок, когда все решает один выстрел, единственное слово предательства, Кровач выбирает более сложный, что позволяют сохранить уважение к самому себе. Желание воспользоваться удачей стало желанием наказать негодяев. Содержит нецензурную брань.

АНГЕЛЫ ОТПЕВАЮТ ВСЕХ ПОДРЯД

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ РОМАН

ГЛАВА 1

«Треск костей заглушил грохот выстрелов... Я был убит дважды. Предательством Таис и пулей в голову...»

Когда Таис поняла, что у меня кончились патроны, черный зрачок ее автомата взглянул мне в глаза, и плюнул оранжевым огнем...

Все кончено... никто не узнает правду о моей любви. В Раю меня не ждут, в раю не до любви, но едва ли все муки Ада сравнятся с моей последней болью, болью предательства любимой женщины»...

Начало канадского детектива было в другой половине разорванной пополам книжки. Тимофей еще раз пошарил под сиденьем, где нашел окончание триллера безвестного автора. Пусто. Разочарованно вздохнув, похлопал себя по карманам: вот теперь бы самое время покурить. Но сигареты – ёк, а денег только на цветы.

Лететь еще часа четыре. Кровач сладко потянулся, закрыл глаза. Вот и кончилась разлука. Командировка в Находку была успешной. Он вез для института большой заказ. Его ждала премия в полдоклада. Но о премии он перестал думать, едва во Владивостоке плюхнулся в шикарное кресло салона первого класса. Не до того... Воображение, в который раз, проигрывало скорую встречу с женой. Он тонул в воображаемых объятьях любимой Сусанны...

На этот раз все было иначе. Мелкая зыбь любовной неутоленной страсти, на этот раз не искажала вызванное за тысячи километров видение жены. Сердце без суеты вглядывалось в любимые очи, полные ответного ожидания и нежности. Видимо, впервые сердечные чувства возобладали над его нетерпеливой, неразборчивой чувственностью. Невиданное дело, в командировке он впервые не изменил жене... Ах, господи, скорее бы посадка!

В натужный стон турбин самолета из-за спины Кровача вплетался "леденящий душу", полубоморочный треп двух молодых женщин. Повествовала женщина с вологодским акцентом. Голос непополовозрелый. Тонкий, вибрирующий от волнения. Сопереживающие комментарии то и дело вставляла, более дородная тетка Маргарита с прокуренным голосиной.

Речь шла о кровожадном сексуальном маньяке, больше года державшем в страхе женское население Орехово-Борисово. На суде этого извращенца за ласковый голос прозвали Ореховским Соловьем.

Отличала педофила необычайное тщеславие. Где только не прятал подонок трупы несовершеннолетних белокурых девочек. Под корни деревьев в Измайловском парке, под кусты роз в Сокольниках, в детские песочницы закапывал. И каждый раз оставлял поблизости какую-нибудь хорошо заметную улику. Он играл с милицией в поддавки и, тем не менее, выслеживали его сыскари почти два года. Вырвавшееся у прокурора словечко "неуловимый" маньяк воспринял как самую высокую в его жизни награду.

Кровавые подробности надругательства над незрелой женской плотью живописались вологжанкой, прямо-таки, сладострастно... Она обмирала от ужаса. Она была бессильна перед дьявольской силой ущербного любопытства. Любопытство воспляло в ней приступ неодолимого желания вновь и вновь, рассказывая, насладиться возбуждающим страхом трепетом перед демонической сексуальной страстью живодера-насильника.

– Я не могу, я больше не могу, – переведа дух, поминала всех святых вологжанка, – такой симпатичный с виду парень... Ну чего ему не хватало... С ним и так любая женщина пошла бы.

– Блондин? Брюнет? – гудела Маргарита.

– Стриженный под ноль шатен в парике. Одна школьница выжила. Парик-то и узнала. Ты бы посмотрела на фотографию ее груди, ножницами, мерзавец, кромсал. Девочка опознала парик на спектакле по телику, а до суда не дожидка. Утопилась, бедненькая...

– Ну, блин! Ножницами, говоришь? Ножницы, поди, портновские! – С деловым вождением криминалиста-любителя выясняла Маргарита изуверские подробности злодеяний. – Ага, нашли ножницы.

– Да иди ты, актер, что ли?

– Как я рыдала! Как я рыдала на суде... Да, артист с детского театра... Уж как он каялся, весь зал плакал навзрыд... Я больше не выдержу... Он плачет, так рыдает: что я могу поделывать, если мне все время "этого дела" хочется... А после "того" хочется видеть парное мясо... Все кричал-то: не виноватый, не виноватый! Бог меня таким создал! С Господа Бога и спрашивайте!

– Ну воце! Так и сказал – парное мясо? С ума мужики походили! Остались одни импотенты и педерасты. Может ты, подруга, хочешь валидол пососать, – предложила басовитая Маргарита, – или конфету дать?

– Ой мне плохо! – А как убивал-то.

– Он душил-то девчонку своим галстукон. А когда ямки-то откопали в парке, под сценой летнего театра!...

– Господи! Да что ты! Под сценой?!

– Я не могу! Что было, что было... Один молодой лейтенант как схватил пистолет, стал стрелять – едва отняли... А в ямке-то одни белые косточки... Говорили, мясо-то он так аккуратно срезывал и продавал шашлычнику-то Ахмаду, на трассе Москва-Ярославль который, а сам, божился, – не ел... Я не могу! Своими руками расстреляла бы на месте!

– Ну, это уж слишком. Брехня это.

– А мы-то, идиоты, как на дачу едем, так у Махмада этого шашлыки эти ели... Ой не могу... Как я услышала-то про Махмада, так меня в суде-то прямо так и вырвало... Весь пол облевала, так неудобно...

Тимофея замутило. Он тяжело вздохнул и с трудом проглотил подкативший к горлу комок отвращения. "Какие женщины отчаянные, однако. А ведь я убийцу застрелить не смог бы". – Подумал он...

– Боже мой! Какой вздох! Самолет покачнулся от сострадания. – Проговорила соседка Тимофея, оторвавшись от окна.

– Извините, от этих подробностей кишки комок сворачиваются...

– Какие вы, мужчины, стали слабонервные... Кстати, посмотрите-ка вот на того субъекта в светлой засаленной куртке... В первом ряду справа, среднее кресло. Я давно за ним наблюдаю, все не могу понять, как этот оборвыш затесался в салон первого класса. Нет, я не ханжа, но что-то меня в нем раздражает.

– Возможно, это старатель летит с Колымы в столицу, промотать по кабакам намытые самородки. – Рассеянно ответил Кровач. – Я видел таких бичей в Магадане. С виду – оборвыш, а карманы набиты золотом... Впрочем, для старателя у него борода жидковата. Те отпускают бороду лопатой, а у этого всего лишь, щетина недельная.

– Вот и я о том же. Что-то тут не то.

Эта печальная очаровашка еще в аэропорту приглянулась Тимофею сытой красотой. Тимофей не сомневался: при желании он в два счета снял бы скучающую дамочку... К концу полета они обменялись бы телефонами. Когда-нибудь, в дождливую осеннюю пору, позвонили бы друг другу. Поделались бы беспричинной, пикантной грустью. Потом посидели бы в кафе...

Конечно же он сводил бы ее в притон геев, в кафе Голубые Очи. Экзотика мужеложства очень возбуждает женщин. Они чувствуют ущемление своих, казалось неоспоримых, прав на мужчину. Повозмущавшись, становятся куда покладистее. Потом... Парочка все более коротких свиданий... Охлаждение и дружелюбное расставание...

Господи, бред какой-то. На этот раз он не собирался проявлять инициативу. Разве что дама сама завяжет первый, самый обворожительный узелок нового романа. Впрочем, и это теперь ни к чему... Он так стремительно приближался к дому! Сердце щемит, щемит.

Кровач привел спинку кресла в вертикальное положение, одернул пиджак и все-таки улыбнулся соседке, которой надоело таращиться в иллюминатор на бесконечную тундру с бесчисленными воронками незрячих озер. Двусмысленно

– Позвольте представиться... Тимофей Савельевич Кровач... Заурядный инженер на почтовом ящике...

– Василиса... Прокофьевна... Пианистка. Не скрывайте улыбки, я привыкла к смешливой реакции на мое старомодное имя...

– Отчество особенно по-домашнему звучит... Какое необычное дорожное знакомство... Душа заурчала котенком...

– Где еще отведешь душу как не в дороге. Занятно? Русская расхлябанность кончается дорожными исповедями... Половину своей жизни я провела на гастролях и прошла великолепную школу физиогномики... Заурядный он. Впрочем, я не боюсь скоротечного приятельства. У вас открытое лицо, осмысленный взгляд, я бы сказала уютный... Знаем мы вас, заурядных

Неожиданно сочувственная улыбка скатилась с лица дамы. Лицо помрачнело, словно незнакомка укоряла себя за то, что отвлеклась от своей печали.

– У Сени моего инфаркт... Это мой муж... Вот лечу, как осиновый лист дрожу...

– О, а нервы у вас нейлоновые! Посмотришь – вы сама скупающая невозмутимость!

– Маска. Концертная маска, не больше. Если что – я не переживу... Не могу заучить лицемерную улыбку оптимизма... Как? Как уйти от навязчивых предчувствий беды, когда нет перед тобой рояля... Вы понимаете..... Мысленно проигрываю Шопена – не помогает... Без рояля я беззащитна перед бескрайней пустыней одиночества... Сегодня весь окружающий мир реальности для меня – пустыня.

– Сочувствую, мадам. – Проникновенно шепнул Тимофей, бархатом своего голоса выстилая путь к сердцу Вассы.

– Простите, у вас такой счастливый вид... Понимаю, Вас ждет любимая женщина...

– Я и Сусанна до безобразия привыкли друг к другу, так привыкли, что привычка стала обкрадывать нашу любовь. Чувствую, – нас ждут какие-то необыкновенные перемены. Нам предстоит столько наверстать...

– Ну, это обычные проделки разлуки.

– Нет, нет! Тут что-то другое. Теперь я полностью отказался от мужского эгоизма. Я влип окончательно. Откровенно говоря, в тайне и у меня, и у Сусанны теплилась некоторая отдельная личная жизнь. А теперь лечу домой как на первое свидание.

– О, да вы волокита.

– Был волокитой. Не сексуальным экстремистом, нет, скорее шаркуном был. Был... И Сусанне нет-нет да позвонит кто-нибудь из прежних поклонников. А то и письмишко пожалует... Как это смешно... Ей до сих пор мужики проходу не дают. Сусанне принадлежит во мне – все, а мне в ней – что она позволит.

– Не очень-то много, – печально заметила Васса. – Ваша жена, наверное, красавица?

– Не то слово! – подыскивая единственно верный эпитет, Кровач пощелкал сухими длинными пальцами. В нахлынувшем волнении Тимофей перешел на шепот.

– У Создателя в работе тоже случаются моменты, иногда и ему приспичит щегольнуть мастерством. Он лепил мою Сусанну именно в такую минуту озарения.

– Ого! Лихо!

– Я уверен, – господь подарил ее изящной шее лишний позвонок, позвонок избранности... Удлиненная узкая кисть руки... Длинноногая. Одиннадцать просветов между ног. Бесподобная лодыжка и в то же время хорошо развитые бедра, полнолунная грудь... Фигурка, словом, как у балерины, только не тощая.

– Ну, с вами все ясно!.. Вы так сочно описываете жену... Извините... Все же этот колымский бродяга с первого ряда меня чем-то нервирует. У него нехорошая биоэнергетика... Вы не находите?

– Да нет, мужик, как мужик. Правда ерзает как на иголках... – Тимофей присмотрелся к бродяге повнимательнее. – А что ежели это наркоман, ждет, не дождется посадки, чтобы заломить косячок с травкой?

– Нет, нет! Наркоманов я знаю, они какие-то вареные, а этот какой-то колючий... Бомж, не бомж...

Тимофей привстал, Чтобы получше рассмотреть опасного пассажира, но Василиса подергала его за полу пиджака.

– Господи, вы привлекаете к себе излишнее внимание... Лучше расскажите мне еще о вашей жизни. Вы не боитесь стать Скупым Рыцарем около несметной Красоты вашей супруги?

– Это последний мой страх. Боюсь! Заслужил ли я право пользоваться такой Красотой! А ведь пользуюсь! Пользуюсь ненасытно! Как посмотрю утром на Сусанну – под глазами сине, идет в ванную, истерзанная любовью, – ее пошатывает... Так жалко... И жалко, и страшновато за себя... Женщине такой красоты нужно иметь при себе вечно юного обожателя.

– Хотите сказать – богатенького обожателя?...

– Вот именно. А я? Много ли может дать женщине простой инженер на окладе? Не любят меня мани-мани? Я так волнуюсь... Кстати, я и художником не стал только потому, что это поприще не обеспечивает ни материальной, ни моральной стабильности. Насмотрелся я на своего дядьку Кирилла. Отличный график, а живет кое-как... А ведь меня хвалили настоящие знатоки живописи. Мои работы маслом два раза выставлялись на Кузнецком мосту. Правда, под фамилией дядьки Кирилла. Глупо? Да?

– Не думаю. Скорее любопытно... – Васса запнулась... – Любопытно наблюдать, как очаровательные дамочки создают у влюбленных мужей бедняцкие комплексы неполноценности.

Васса страдальчески сморщилась, передернула плечами и с вызовом посмотрела на попутчика.

– Вы вот за деньгами не гоняетесь. Создали хорошую семью и не боитесь превратностей капризной нашей судьбы. А я уверена – бедность убивает любовь.

– Возможно... – Задумчиво проговорил Кровач. Сусанна обожает бижутерию, а я мечтаю выбросить эти побрякушки ко всем чертям, осыпать Суси неподдельными украшениями, одеть в драгоценные меха, купить наилучшую косметику, особенно, признаюсь, лучшее белье...

– О, да! Мечты настоящего мужчины...

– Ай, перестаньте, девушка... Остается пуститься в разбой. Да вот убить, не способен, да и таланта воровского нет. Не способен, по большому счету, оттяпать у государства приличный кусок... Эх, ма! Выше начальника отдела мне никогда не подняться. Хлебные места достаются родственникам хозяев, а гений из меня уже не вылупится... Дали бы хотя бы подхалтурить, так нет, выжимают хозяева все соки до капли. А свистнуть для продажи в нашем институте нечего. Все ценное давно растащили наши новые институтские воротилы. Загнать разве на толчке мой компьютер? Да и это уметь нужно.

– Попробуйте стать хакером. Ограбление банка с помощью компьютера, это так модно...

– Признаться, – я не прочь бы взломать какой-нибудь банчишко. И, наверное, смог бы пожить, но трусишка я. Панически побаиваюсь играть в эти игры. Уж слишком увлекательное развлечение.

– А мой Сеня ничего не боится. Он проворачивает такие делишки... Миллионами ворочает. Я с ума схожу, неужели он останется инвалидом на всю жизнь...

Тимофей вытянулся в кресле, запрокинул голову, смежил веки. Васса отвернулась к иллюминатору и беззвучно заплакала... То и дело промокала глаза платочком.

– Сусанна стоически переносит нашу нищету. – Мечтательно продолжил Кровач, не открывая глаз. – Голубка часто шепчет мне: я верю в тебя! Любовь Сусанны, конечно же, вдохновляет, я работаю как проклятый, но удовлетворение от моих трудов я получаю один и то, в основном, моральное. Что дает мой трудоголизм Сусанне? Да что там! Паразитом себя чувствуешь... Получается, я обкрадываю Сусанну. Сердце томится. Сердце понимает – красота жены это единственный праздник, который, будем считать, – для тебя одного. Праздник, а я едва способен обеспечить Красоте жены скромные совковские будни... Ей богу противно!

– Она вас любит? – спросила Василиса мокрым голосом и шмыгнула носом.

– Надеюсь. Время покажет.

– Да уж, рядом с вашей прелестницей... нелегко загадывать о будущем...

Кровач почувствовал, как дернулась Васса, зачем-то надела очки. Она поздновато сообразила, что допустила бестактность и ждала возражений. Но Кровач промолчал. Время вновь налилось тяжелой неподвижностью. Лайнер как прилип к этой тундре... От горизонта до горизонта – одни мутные воронки озер... Как после бомбежки...

– Мне приснился в гостинице перед рассветом нехороший сон. – Неожиданно Васса схватила Тимофея за локоть и щекой прижалась к его плечу. – Это вещий сон. Он приходит, как добрый прорицатель, предупредить меня, а я его до смерти боюсь.

– Не надо, не надо, голубушка, – Тимофей погладил руку Вассы. – Страхи как магнитом притягивают к нам несчастья. Я это по себе знаю...

– Мне приснился рояль. Да, да, мой старый домашний рояль... Он был на четырех ножках, а черные диезы были желтыми...

– И это все? – усмехнулся Кровач.

– Но это же страшно! – воскликнула Васса, зажимая рот ладонью. – А еще этот бродяга... Смотрите, он все озирается... Сегодня обязательно случится несчастье. Помните, Наш самолет держали на взлетной полосе лишних двадцать минут. Я проверила по своим часам. Это ненормально... Я такая трусиха...

– Хватит каркать, женщина! Вы здесь не одна. – Пробасила собеседница вологжанки.

Василиса достала сильно надушенный лавандой платочек.

– Посмотрите, вон впереди встал еще один неприятный тип. Прилизанный. Маленькие злые глазки. Пустые как замочная скважина. Такие вечно приносят мне несчастья.

По проходу, прижимая руку к низу живота, быстро прошел невысокий толстяк, без пиджака, в синей рубашке, с красными подтяжками. Круглое, страдающее лицо его было скорее забавным, чем отталкивающим...

– Не понял. У колобка, похоже,

– Я про другого, что крайний в первом ряду слева от прохода. Он следит за толстяком. Поверьте мне, это бандит.

Стюардесса, позванивая пустыми бутылками, уже подкатывала столик к своей кухоньке, когда из кресла первого ряда поднялся заросший щетиной, замызганный парень в светлой драной ветровке, принятый Вассой за бомжа. Он схватил с самокатного столика полупустую бутылку шампанского. Хрястнул ею по лысой макушке своего соседа в хромовой кожанке... Розовая лысина, в венчике золотистого пушка, как тонзура у католического монаха, сначала поседела от вскипевшей пены шампанского... Потом заалела от крови как маков цвет. Бомж хищно смотрел на остаток бутылки в своей руке, напоминая стеклянный трезубец. Оскал острых стеклянных зубьев был действительно ужасен.

– Что случилось? – дремавшая Василиса вопросительно посмотрела на не менее сонного Тимофея. Он пожал плечами и вновь погрузился в нирвану воспоминаний о своей Сусанне.

Спортивного склада мелкоглазый гражданин, сидевший через проход слева от бомжа, явно что-то проворонил. Движения его были несколько суетливы, когда он надевал тесноватый никелированный кастет. Он бросился к оборванцу, заноса для смертельного удара свой увесистый кулак, но бомж выставил перед собой стеклянный трезубец и спортсмен отскочил. В дверях он столкнулся с упитанным низкорослым мужиком. Судя по повадке, это был перелодетый в гражданское охранник, Тремя ударами спортсмен вырубил охранника, превратив его физиологию в кровавое месиво.

А бомж не дремал. Не размахиваясь, бомж ткнул стеклянным трезубцем спортсмену в глаза. Когда, обливаясь кровью, с животным ревом спортсмен переломился пополам от боли, бомж, размахнувшись, воткнул горлышко бутылки ему в шею. Из прорванной вены кровь ударила на пластиковую стену фонтаном. Подтеки крови немедленно создали фантастический авангардистский рисунок красных джунглей на какой-нибудь выдуманной футурологами планете...

Обалдевшие пассажиры все еще соблюдали тишину. Бомж вырвал у лысого внутренний карман кожанки вместе с подкладкой...

– Он вооружен! – Единодушно выдохнули в ужасе пассажиры.

Из хвостового отделения, из туалета, обеими руками придерживая брюки, бежал колобок.

– На пол! На пол, скотина! – заорал бомж на толстяка. Он выставил перед собой пистолет... Белого цвета пистолет... Кто бы мог подумать – пистолет белого цвета!?

Пузан не поверил угрозе и навалился на бомжа всем телом. Бомж выстрелил в упор. Толстяк не ослабил объятий. Оборванец стрельнул еще раз и оттолкнул от себя тушу колобка.

Обильные внутренности толстяка приглушили выстрелы и, тем не менее, паника началась сразу во всех салонах воздушного судна... Женщины не успели довести визг до пронзительности сирены, а бомж уже, брызгая слюной, завопил.

– Товарищи! Да вы не бойтесь меня, не бойтесь! Я не террорист! Я заложник! – он стал с силой стучать себя пистолетом в грудь. – Я защищался. Они ТРЕБУЮТ с меня двести миллионов! Они украли меня и спрятали в свинарнике! Богом клянусь, я никого не хотел убивать! Они пытали меня водой, совали шланг в задний проход! Я сдаюсь! Зовите милицию! Я сдаюсь!

Только теперь пассажиры стали вскакивать с мест... Заложник выволок в проход лысого братка, прикованного наручниками к его левой руке, и поднял вверх правую руку с невероятно белым пистолетом.

– Эй, кто-нибудь! Берите же меня в плен! Поймите, люди! Меня пытали мочой и паяльником! Честное слово, я не вру. Поверьте же мне!

Лысый бандит поднялся на четвереньки. Потряс окровавленной головой. Перепуганный заложник стал дубасить рэкетира пистолетом по затылку...

– Берите же меня в плен! Я сдаюсь! Дайте кто-нибудь веревочку. Этих живоглотов надо связать.

Едва опасность миновала, мужики первыми бросились прочь из салона. В дверях возникла дикая давка. Трещала раздираемая одежда, несколько женщин грохнулись в обморок, и завалили узкий проход. Последние беглецы уже не смогли через них перепрыгнуть. Они осата-нело карабкались по бесчувственным телам. Самолет клюнул носом и, разбрасывая тела пассажиров, стал подозрительно раскачиваться.

Все это произошло в считанные секунды. Тимофей в одно мгновение одеревенел настолько, что ему показалось – он совсем не испугался. Он еще ни разу не видел настоящее убийство и настоящую панику озверевших людей. Подлинный ужас, охвативший пассажиров, совсем не выглядел "настоящим ужасом". Имитация подобного ужаса в кинофильме была куда

страшнее по выразительности. Подлинный страх оказался более слабым режиссером паники, чем режиссер кино.

Васса хмуро смотрела на побледневшего Тимофея, он на нее... Они остались одни перед вооруженным чудиком... Свет погас, но тут же зажегся снова... Пахло гнилыми яблоками и человеческим потом...

– Я так и знала, – выдохнула обреченно Василиса.

– Делать нечего, голубушка, придется и нам лечь на пол... Хотя бедняга этого не требует... А вдруг опять начнет пулять... Он же свихнулся от страха...

– Нас это не касается, – процедила пианистка сквозь стиснутые зубы. – Я не лягу...

Свет погас во второй раз и на этот раз надолго. Под потолком тлели только аварийные светильники.

– Ой! Только не это! Больше смерти боюсь темноты... Тимофей Савельевич, где вы!?

Васса пошарила по коленям Тима... И не только по коленям... Нашарила его руку на подлокотнике и сильно стиснула. Выделения человеческого пота забивали кислый запах сгоревшего пороха...

Заложник, наступив поверженному бандиту на грудь, пытался сорвать с его руки наручники, хотя бы и вместе с рукой. В светлой ветровке при тусклом свете аварийных светильников, парень казался безумствующим привидением.

– Да что же это такое! – орал он плачущим голосом. – Хоть кто-нибудь! Отцепите же меня от этого ублюдка!

Заложник потащил полуживого блатного охранника к пилотской кабине...

– Где вы там попрятались, тараканы аэрофлотские. Откройте человеку дверь... Васса фыркнула.

– Это конец. Охранник убит. Командир боится нос высунуть... Давайте Тимофей Савельевич, прощаемся. На всякий случай... Выпить бы напоследок.

Губы Вассы были рядом. Сочные полуоткрытые губы весьма сексапильной женщины подрагивали и тем вызвали прилив нежной жалости. Вслед за жалостью шевельнулось желание... Тимофей обнял Василису за плечи. Васса не отстранилась Тимофей расстегнул последнюю пуговичку продуманно легкомысленной блузки. Выловил из запазухи не стреноженную бюстгальтером грудь. Заворожено облизал кончиком языка крепкий толстенький сосок. Пососал сосок слегка и уткнулся носом в промежность между вялыми грудями.

– Я не против... Помирать, так с музыкой... – Василиса поежилась. – Но у тебя такие холодные губы. Не обижайся, – как у мертвеца... – Она крепко обняла голову Тимофея и поцеловала его в макушку...

– Надо что-то делать! – произнесла она совершенно трезвым голосом. – Какие же вы мужчины олухи! Никто не помог несчастному...

И тут Вассу прорвало. Она оттолкнула Тимофея. Она колотила Тимофея кулачками по плечам... Он же, отвернувшись к иллюминатору, очумело вглядывался в далекую, такую неопасную с высоты землю. Тимофей с фатальной покорностью ожидал момент, когда земля начнет стремительно приближаться, страшно увеличиваясь в размерах и подробностях.

Командир корабля по громкой связи выпалил запоздалые призывы к спокойствию... Он требовал, чтобы перепуганные пассажиры освободили перегруженное хвостовое отделение лайнера. Рыдающие женщины отказывались возвращаться в забрызганный кровью салон. Вспоминая взаимные обиды, нанесенные друг другу во время давки, возникшей в первые минуты паники, пассажиры переругались. Изгоняя демона смертного страха, орал все и во все горло.

Когда включили полный свет, тело Кровача разом обмякло. Им овладело тупое безразличие. Смерть надругалась над ним, вынудив стать невольным свидетелем убийства...

Самолет продолжал полет, но это уже не могло вернуть душевного равновесия. Что-то в нем надломилось. Став свидетелем бесчинства Настоящей Смерти, он словно потерял некую духовную невинность. Смерть развязно растоптала в нем безусловную веру в неприкосновенность его личной человеческой жизни. Она наглядно продемонстрировала, что он весь во власти ее произвола... И постарается выбрать для визита именно тот момент, когда ее каверзы ожидаешь меньше всего.

Василиса истерично икала, отчужденно уткнувшись в платочек. Кровач положил ее голову себе на грудь и стал гладить "по головке". Вскоре икота Вассы кончилась. Она достала косметичку, и оцепенело, уставилась на свое зареванное лицо. Больше ни словом не обмолвились они до конца полета.

– Пропусти меня, пожалуйста... – Тихо сказала Васса когда, содрогнувшись, самолет выпустил шасси.

Васса поспешно прошла в туалет. "Как тихо в салоне... Пристыженные пережитым страхом, мы сами себе противны. Как будто, возвращаемся с похорон, издевательски закончившихся фарсом воскрешения покойника", – подумал Кровач.

Басистая москвичка успела пообщаться с проводницами и теперь рассказывала, что белый пистолет у бандитов был немецкий, фарфоровый, незаметный для рентген-контроля. В аэропорту самолет, будто бы, встречает целая шайка бандитов и пока прибудет омовцам подкрепление, самолет будет кружить над Москвой...

Отсутствовала Васса довольно долго. Вернулась она преображенной. Мастерски наложенный моложавый грим начисто стер следы ее переживаний. Васса улыбалась нарисованной улыбкой.

Загримировавшись, пианистка как улитка ушла в себя. Грим положил конец доверительности бесед мужчины и женщины. Фантазеры вернулись в реальность и стали обыкновенными попутчиками. Тим стал припоминать, удастся ли купить в аэропорту для Сусанны букет хороших хризантем.

– Совсем забыла, девочка моя ходит на компьютерные курсы, но мало что понимает. Вы не могли бы поднатаскать моего ребенка?

– Не знаю, как будет со временем...

– А если я очень вас попрошу? – Кровач мельком взглянул в сухие, поблескивающие глаза настойчивой дамы, только что убившей свою печаль. Теперь она была намного "красивее", но нравилась ему гораздо меньше. Он не мог так быстро перейти с доверительного тона на деловой, и это его смущало. Он сдался.

– Запишите мой телефон...

Самолет действительно отрулили на запасную стоянку, где его немедленно окружила милиция. Незадачливого заложника стали лупить дубинками уже на трапе. Мильтоны с собаками перерыли багаж и прочесали все закоулки воздушного судна. Одного заложника и двух бандитов им было явно мало. Они так усердствовали, словно их подстегивал грозный приказ хоть из-под земли достать еще нескольких злоумышленников...

Вассу встречала целая депутация с цветами. Она оказалась женщиной невысокой и тут же затерялась в толпе. Багаж задерживали. Васса появилась снова. Неожиданно. Неожиданности в ней было много. Она сильно сжала локоть Тима и зашептала липкими губами в ухо.

– Простите, ради бога... Забыла вам дать свою визитку. Я разочаровала вас? Признайтесь. Да?

– Признаюсь, – нет.

– Возможно, судьба посылает мне возмездие за алчность, и я поглупела от страха перед одиночеством... Клянусь, я не такая как вы подумали. Но не будем обо мне. У вас такая молодая душа. Такая наивная и беззащитная. Боюсь я за вас. У меня так и не прошло недоброе

предчувствие... Простите, я не имею права вмешиваться. Душу теснит жалость, слезливая бабская жалость... Ваша жизнь складывается слишком гладко... Хочется пожелать вам осторожности... Звоните. Не пропадите!

Кровач пристально посмотрел на Вассу. Женщина уходила, уходила в себя для встречи с горем, которое в этой жизни уже ни с кем не поделишь. Женщина уходила, но дверь для него оставалась открытой.

ГЛАВА 2

Весна в Москве всегда торопилась. В аэропорту, позади автостоянки, лихорадочно отцветали дикие яблони. Не было видно ни листьев, ни веток – сплошная кипень алых соцветий. Еще день-два и эта неумная феерия цветения пожухнет, осыплется ржавым прахом. Роскошный праздник зачатия сменит неброский будничным труд плодоношения.

Запустив двигатель своего старенького москвича, Тимофей долго не мог оторвать взгляда от яблонь. Сначала он почувствовал кисловато-медовый запах яблоневого цвета, затем различил в шуме аэропорта жужжание пчел. Ему показалось, что различил. Пейзаж так и напрашивается на холст.

Ну, с богом! Помчались! Повернув голову в сторону выезда со стоянки, – Кровач увидел лавирующего между машинами верзилу... Забавно... Полы малинового пиджака хлопали по ляжкам... Парень напоминал грузного гуся на взлете. Он перебрасывал из руки в руку тяжеленный рыжий чемодан... Малинового Гуся преследовали трое в пестрых спортивных костюмах... Они свистели и кричали...

– Стоять, козлы!..

Захлопали выстрелы... Ого! Как интересно... И совсем не страшно... Бог мой! Начинается! Да это же – господа мафиози! Развлекаются! Что-то не поделили. Кино! Настоящая разборка!

Где-то на летном поле забасил мощный ревун... Завизжали женщины. Толпа пассажиров ломанулась с площади в залы ожидания. В дверях началась давка... Зазвенели разбитые стекла... Поднялась паника...

Первая пуля выбила звездочку трещин посередине лобового стекла, взвизгнула, как ужаленная и вышла через заднее стекло. Тимофей оглянулся – заднее стекло все в мелких трещинах, – как молоком облили. Тронь и обрушится. О жизни своей он не подумал... Это ж, во сколько ему обойдутся забавы братков?

Пока Тим озабоченно оценивал нанесенный шальной пулей вред, вторая жужелица осыпала дверное стекло справа, и с визгом пронеслась возле затылка... Игры кончились...

Ударившись грудью о рычаг передач, Тим повалился на пол... Ни хрена себе! Вот они – обстоятельства. Васса как в воду глядела. Помимо моей воли меня втягивают в скверную историю... Дела... Не колдунью ли посадила мне в самолет судьба?

Автомат залязгал железной челюстью где-то совсем рядом... Сознание отключилось, опрокидывая в темное безвременье. Контакт с реальностью прервался. Время не просто остановилось, оно извратилось, потеряв привычный образ часов. Лопнули пружины, осыпались стрелки, скомкался циферблат. От времени и реальности остались одни запахи... Сильно, медово пахло яблоневым цветом... И припахивало бензином... Бензопровод снова подкапывал... Не полыхнуло бы...

Потом наступила тишина. Тишина была самым нелепым явлением в мире искалеченной перестрелкой реальности.

Сердце затравленно попискивало в груди. Сердце отсчитывало последние мгновения перед гигантским взрывом, который вот-вот разрушит безалаберную прежнюю жизнь, уничто-

жит уютный внутренний мир не пуганого совка. Не предвещает ли кровавый пролог в самолете бедствий пострашнее?

Промчался кто-то легконогий... На каблуках... Вернулся крадущимся привидением... Пукнул сдавленный глушителем выстрел...

В ответ тут же рывкнуло какое-то менее эстетичное приспособление для дистанционного истребления себе подобных.

– А-а-а... – Судорожно подавилось последним воплем легконогое привидение...

И снова обморочная тишина неизвестности...

Ну, кажется, пронесло... Но нет. Когда судьба, казалось, до конца исполнила свою милость (или обязанность?)... Когда можно было поздравить себя с новым рождением... Когда Тимофей поспешно отпустил ручной тормоз... И готов был воткнуть первую передачу... Это было нечто! Проклятье! Откуда-то из-под колес нарисовался все тот же долговязый беглец в малиновом пиджаке. Теперь залитом черной кровью. А красивый мужик... Отлично держится, собака...

Перекошенный в плечах тяжестью чемодана, браток осуждающе покачал головой, нетвердо сидевшей на плечах. Опершись животом на капот, он стал правой окровавленной лапой выставлять перед собой что-то черное, как протез продолжающее руку.

Тим никогда не видел наган живьем, но это был наган. Тяжелехонек вороненый дружок для раненого гангстера. Анальное отверстие дула пьяно рыскало из стороны в сторону. Расстояние колебаний черного очка смерти заметно сокращалась. Очко как магнитом притягивала ось прицела, неотвратимо соединявшая глаз убийцы, мушку нагана и центр переносицы опупевшего водителя задрипанного драндулета.

Тимофею еще не доводилось самому побывать в шкуре обреченной жертвы, реально рискующей собственной головой. Кровач зачарованно пялился в черное очко нагана. Он распался перед громилой, как вареные макароны.

– Внимание! Всем покинуть площадь! Со стоянки не выезжать! Не выезжать! Опасно для жизни! Гражданин в малиновом пиджаке, предлагаю сдаться! Бросайте оружие!.. Даю две минуты! Стреляем на поражение!

Командир торопился выплунуть нелепый ультиматум. Он не верил в действенность своих угроз. Бандит презрительно ощерился, выставив для Кровача золотые челюсти... Но тут силы его истощились, улыбка всмятку, он надломился в пояснице и едва не сполз под колеса машины.

Краем глаза Тимофей видел, как из новенького Сааба выползла женщина в джинсах, за нею девочка лет семи-шести. Оставив дверь машины открытой, они, пригнув головы, крадучись отползали на зады автостоянки, подальше от перестрелки.

Непонятно откуда взявшийся браток в спортивном костюме скачками подбежал к открытой двери Сааба, но нырнуть в машину не успел. Вдоль черного борта, не спеша, прошлась длинная очередь трассирующих пуль, машина загорелась. Негромким взрывом у нее оторвало капот.

Браток шарахнулся в парк, к нему на всех газах подскочил на ижевском мотоцикле сообщник в таком же точно костюме. Они ловко маневрировали среди деревьев, но пули настигли их и там. Сначала покатылся по траве задний седок. Затем тяжелая пуля кинула на руль самого мотоциклиста. Мотоцикл воткнулся в тополь. Страшная сила инерции схватила парня за задницу, подняла и швырнула на дерево плашмя.

Давно следовало бы отпустить сцепление... Подмять под машину негодяя и умчаться... Ведь он круто, бесцеремонно, поворачивал кормило судьбы... Превращал зеваку в сообщника, но... Вот именно – но... Часто сглатывая слюну, Тим едва сдерживал тошноту. Бесстрашие бандита гипнотизировало его.

Бдительно вглядываясь в глаза Тимофея, громила кособоко, пошатываясь, приблизился к правой передней двери. Вот он открыл дверь... Бог мой, машина простояла почти месяц с незапертой дверью!...

Первым в салон сунулся рыжий чемодан. За ним возник револьвер, и верзила со стоном стал заталкивать в салон простреленную, негнущуюся ногу... Усевшись, наглец первым делом достал мятую пачку Примы, неторопливо закурил и прерывисто затянулся. Он так долго держал в себе затяжку, что медленный, полный блаженства выдох был почти бездымным.

По центральному проезду стоянки на одних локтях полз еще один раненый в белой рубашке с коротким рукавчиком... Господи! У смерти шалое пристрастие к белому цвету, цвету ангелов, невест и покойников...

Вот к нему подбежал и взвалил себе на плечо третий бандит... В кожаной куртке, с татуировкой на лбу.

Нет, тут же сбросил на землю... Заслал всю обойму большого пистолета по залегшим мильтонам, перезарядил и снова подхватил товарища...

"Не слишком ли вас много? – пронеслось в мозгу Тимофея. – Бросаю машину и линияю к чертовой матери"...

– Бухарик! Бухарик! Я здесь! Сюда! – окликнул незванный гость сообщников, отщелкнул окурок, выставил в разбитое окно наган и нажал гашетку. Наган промолчал...

– Грим, подожди нас!

Бухарик опустил на колено. Вот заводной! Он не хотел уходить, пока были патроны. Отдача пистолета была такой сильной, что дергалась свисавшая с плеча голова дружка... Грим тряхнул револьвер и снова вдавил спусковой крючок. И на этот раз наган смолчал... Он закурил вторую сигарету, но теперь его руки дрожали мелкой дрожью... Сощурившись, он затягивался мелко и часто.

Кровач затравлено озирался по сторонам. Стреляли со всех сторон, словно здесь все воевали против всех. Вон из-за цветущей яблони выпал подстреленный браток, кричавший Гриму – "стой козел!" Вон на носилках волокут раненых мильтонов... Не вырваться. Без Грима не вырваться...

Тимофей с надеждой уставился на ухмыляющегося бандита. Тот потерял много крови. Глаза его от слабости были полуприкрыты. Но громадные челюсти решительно сжаты... И эта ухмылка превосходства... Грим презирал подлю покинувшую его удачу. Он рассчитывал только на свой опыт... В себе-то он был уверен.

– Толян! Кончай духариться! Залетай в тачку, и рвем когти!

Грим отдавал последний свой приказ едва слышным голосом. Тимофей не выдержал, и повторил приказ Грима во всю глотку! Толян-Бухарик, дорвавшийся до стрельбы по живым мишеням, даже не оглянулся.

Кровач толкнул Грима в плечо.

– Что дальше, начальник? Ждать, не ждать?

– А ты молоток! Ща я шугану Бухарика... – Грим, морщась от боли, полез из машины...

В суматохе, охватившей аэропорт, когда даже собственное оружие предает почем зря, когда Удача отваливает как последняя дешевка, Грим один оставался уверенным в себе. Он один, в любой момент, знал и будет знать, как уйти от погони, как обмануть Непредвиденные обстоятельства, ломавшие не только планы операции, но и саму жизнь боевиков...

Гангстер подарил жизнь, но вместо радости на Тимофея наваливался еще больший страх. Это был страх страхов, кромешный страх понимания, что судьба, отняла у бандита право распорядиться его жизнью. Отняла и сделала случайного свидетеля перестрелки игрушкой сил более могущественных, – сил Непредвиденных Обстоятельств в лице тех же преследователей банды. Бандиту он еще мог оказать сопротивление, перед силами Непредвиденных Обстоятельств он был абсолютно беспомощен. Сейчас милиции некогда разбираться сообщник ты

или не сообщник. Прежде всего, они тоже постараются выжить и сто раз успеют тебя застрелить до того, как разберутся, кто есть кто.

Время они тратили бездарно. Выбравшись из машины, вместо того чтобы накостылять этому упрямцу Толяну, Грим перезарядил револьвер и тоже открыл стрельбу. Наган палил громко и без осечек, словно очнулся и желал смыть с себя недавний позор.

Невозмутимость бандита, с каждым мгновением становившаяся все более нелепой, как ни странно, укрепила Тимофея. Он постепенно приходил в себя. Но из безвременья растерянности, Тимофей возвращался уже совсем другим человеком. Нутро его оцетинилось. Он должен выжить! Да! ДА! Да! Он готов подчиниться бандиту. Кому угодно, даже дьяволу готов подчиниться, любому, кто поведет его за собой к спасению. Вот только Душа... Душа что-то проямлила о каком-то предательстве и отвернулась...

Заядлый стрелок в кожанке получил-таки свой свинец... Выронил тело товарища и сам растянулся поперек проезда... Грим попытался еще раз протиснуться в машину... Он примерялся и так, и эдак, но не только продырявленная нога, все костенеющее тело отказывалась повиноваться. Все его попытки плюхнуться на сиденье были тщетны.

Завыло сразу несколько сирен. Суэта в аэропорту усилилась... Наконец. Грим сунулся в машину головой и прорычал:

– Гони!

Тим вспомнил, что движок работает. Это же везение, это же добрый знак! Кровач молниеносно вогнал первую передачу и ударил ногой по педали газа, как по гашетке пулемета!

Рано гангстер отдал приказ к отступлению... Наполовину он оставался снаружи машины. Задрав нос, машиненка прыгнула как молодая лань... Голова угасающего верзилы дернулась. С тоскливым воплем он вывалился из машины, долбанулся об асфальт затылком, картинно раскинул руки и затих, затих, кажется, по-настоящему.

Двигатель захлебнулся. В паническом усердии ступня Тима судорожно вдавливала педаль газа в пол. Вместо того чтобы повернуть ключ зажигания и повторить запуск двигателя, он ударил кулаками по баранке руля, от нетерпения подпрыгнул, продолжая раздавливать педаль газа как зловерное насекомое.

Когда Кровач вспомнил о стартере, момент слепого везения был окончательно упущен. Тишину раздробили новые выстрелы. Очереди были короче, реже, но оглушительными. Уже где-то сзади. Теперь они звучали гораздо ближе. Но пули более не свистели вокруг машины. "Окружают, окружают, гады, – психовал Тимофей, – живьем будут брать"...

Стартер надрывался. Перехлевав топлива, двигатель не запускался. Истерика водителя передалась и мотору... Тимофей был готов бросить подлую машину и бежать, куда глаза глядят...

– Будь человеком, брат... Кидаю десять кусков... Зеленых... Не бросай меня... – Раненый едва приподнял голову. В гаснущих глазах его фольгой мерцала уже неживая слеза. Тим бросился к умирающему... Обхватил под руки... Поволок к машине...

"Десять кусков? Ни фига себе заявочка... Десять тысяч! Лажа! Так я тебе и поверил..." – Тимофей умерил пыл едва ли уместного сейчас милосердия и с удивлением оглянулся на рыжий чемодан, барином развалившийся на сидении его машины.

– Бред сивой кобылы! – Пробормотал Кровач натужно.

– Богом клянусь...

Грим, виновато усмехаясь, приподнялся на локте...

"Кто таскает такие деньги в кармане? – подумал Кровач. – Разве что в чемодане?.. А то где же! Экая развязность. Чемодан выставляется так нагло, словно содержит в себе побольше, чем десять кусков зелени. Слишком очевидная провокация на детективный сюжет... И чемодан наверняка метит стать гвоздем сюжета первого в моей жизни ограбления."

Мысль попользоваться добром бандита ворвалась в череп Тимофея столь решительно, словно это дело было давно решенное и оставалось только выждать подходящий момент. И этот момент наступил. Стало легко и даже весело.

Кровач попятился от раненого Грима. В одно мгновение влип в кресло. Нежно повернул ключ зажигания. На нежность движок откликнулся благодарным урчанием, внося в стремительно набирающее темп приключение упорядоченность солидного авантюрного романа.

Тимофей зыркнул на будку сторожей. Шлагбаум все еще поднят... Черт! Как преобразился мир в чаду азарта.

Все вокруг стало ослепительно ярким и многоцветным. Душу потряс взрыв деятельного вдохновения. Как много нового он теперь видел, как много нового слышал. Яблони теперь не просто цвели, они прямо-таки фонтанировали кровавым пьянящим цветом. Синева небес аж звенела от чистоты. Взгляд, как у рыбы, обрел широкоформатный кругозор. Он мог увидеть собственные уши. Он даже затылком видел и слышал все, что замышляли охотники за его жизнью так лихо поставленной на кон против рыжего чемоданища Грима.

Он не узнавал себя. Появилась даже маленькая гордость. Он, оказывается, заговорен от пуль... Достать его не так-то просто... Да. Да, с виду он лопух... А на-ко-ся, выкуси... Странно веселило ощущение, что он стал самой важной персоной в аэропорту! Самым важным призом для всех, кто сейчас его пытается окружить, взять в клещи и расправиться... Чемодан и его мифические "десять кусков" никакой роли более не играли. Главное, он посмел позволить себе настоящее приключение.

Слева, визжа резиной, сорвался Опель голубого поблекшего цвета. Взревели еще несколько моторов... Навзрыд, присев на корточки, возле убитой женщины в джинсах, рыдала девочка... Хрипел умирающий Грим...

Перед Опелем упал деревянный шлагбаум, – лихач снес его и умчался...

Тут же в горловину въезда на стоянку задом вкатился Икарус и стал надвигаться на Тимофея. Из-за автобуса щерились стволы автоматов... Пузыри закамуфлированных касок... ОМОН против Фортуны похитителя чемодана! Отлично!

Кровачу казалось, – Все, что способно было двигаться, катило напрямиком на него. Все стволы были направлены исключительно на избранника фортуны. Невольник криминальной стычки нутром чуял, как сокращается лимит благоволения удачи, задарма поцеловавшей его в самые губы...

Выезд был закупорен намертво...

Заложник стечения обстоятельств снова начинал психовать... Он тоже не любил, когда его нагло припирали к стенке. Где-то в животе, одолевая тошноту, сжималась страшная пружина решимости не уступить надвигавшимся полчищам врагов... Напрасно они разбудили во мне зверя... Тим зловеще почесал левую ноздрю...

В эту роковую минуту, видя, как ее нерасторопный избранник, по глупости, делает ошибку за ошибкой, и самому ему без "слепого везения" не выпутаться из кровавой истории, Госпожа Удача, наконец, всерьез обратила внимание на нового своего кандидата в избранники. От мелких подачек Удача перешла к тесному сотрудничеству. Госпожа не только даровала Кровачу шанс на спасение, но и сама превратилась в ищейку, взяла горячий след "слепого случая", выводящий избранника к спасению. Теперь Удача рыскала где-то впереди машины, указывая пути для прорыва блокады омовцев.

Не однажды, пред тем как уехать со стоянки, Кровач скрывался под дикие яблони, чтобы на свежей травке справить малую нужду. За яблонями лежала сонная поляна... Сейчас хорошо был виден ковер ее цветущих одуванчиков... За поляной заброшенная аллея... Не могла она не вывести на выезд из аэропорта... Ну не могла, и все тут!

"Прогала между яблонями было достаточно, чтобы протиснуться москвичу, – лихорадочно успокаивал себя Тимофей. – Будь что будет! Иду на таран!"

Раскрутив двигатель до поросычьего визга, Кровач торпедой бросил машину на стену цветущих деревьев. Он взял верный след... И все закрутилось своим чередом...

Машина, не успев набрать скорость, уткнулась в подол яблони... Упругие ветви воспротивились вторжению чужака. Они пружинили, отбрасывали москвичек назад, и машина забуксовала на киселе измочаленных колесами одуванчиков...

– Ну же, ну же! – взвыл Тимофей, вторя стенающему от бесплодных усилий двигателю... – Выручай, Савраска!

Дорывшись до твердого грунта, машина пробкой вырвалась из объятий шаловливых яблонь. Ветви как следует, отдубасили корпус и отпустили с миром.

Разбрасывая ошметья сочной травы, Савраска юзом влетел в неглубокий кювет, неуклюже подпрыгнула и, харкнув резиной, пошел ломить вдоль по замусоренной тополевой аллейке. Плохо знакомое с превратностями судьбы авантюриста, Сердце Кровача было, запело победный гимн...

И тут же, перед самым выездом, точно посередине аллеи вздыбился врытый в землю голубой кислородный баллон, перекрывавший выход на шоссе из западни, подстроенной парком.

"Удача – дура, что она может против баллона? Попробуй, фраер, сообрази собственной башкой, как выбраться на шоссе. – Злорадно хохотнул Тимофей. – Давай, давай, вот оно, спасение, – рядом, пара метров"...

Тимофей грубо вклинился между последним на алее тополем и дурацким баллоном... Удача к дуракам, по глупости своей прущим напролом, оказывается, особенно благоволит... Отодрав в узилище задний бампер, новоиспеченный баловень фортуны вырвался на финишную прямую...

Смелость – это страх, чудесным образом обретший крылья. Колеса не чуяли асфальта. Пружина в животе распрямилась, и никому не следовало оказаться в направлении ее гибельного удара...

Уже через сотню метров, с обочины, заслонившись мотоциклом, замахал жезлом инспектор ГАИ, но с блеском обмахнув по кривой преграждавшую путь милицейскую каракатицу, Тимофей заставил свой мотор выложиться до предела.

Перекресток стремительно приближался. Там суетились серые крысы автомобильных дорог... Тим успел еще раз, по давней привычке, многозначительно почесать вещь левую ноздрю... Все о'кей!... Пуля в лоб тебе, Кровач, обеспечена...

Посередине перекрестка жутковато вывернув голову, лежал инспектор, раздавленный опелем. Голубой долбанул подставленную инспекторскую восьмерку в левый борт и теперь помаленьку дымился.

Два гаишника в белых крагах дубасили жезлами распятого на капоте стриженного под ноль водилу опеля. Один из жезлов, при каждом приземлении на стриженного, с оттяжкой вспыхивал золотистым огоньком, словно подмигивал хищно притормаживавшему умыкателю криминального чемодана.

... Оставалось на полусогнутых прошмыгнуть мимо блюстителей дорожных законов, увлеченных расправой. Идиотизм! Как всегда, блюстители закона и на этот раз были в проигрыше: преступнику предоставлялось право первому сделать прицельный выстрел... Наган – вот он, – готов действовать... Но Тим не считал себя преступником...

– Я не виноват! – заблажил Тим, высовываясь из машины, когда оба мстителя выхватили пушки системы Макарова и без всяких церемоний с предупредительной пальбой в воздух осыпали несчастный москвичек добротным свинцом.

– Не я! Не я!

Это был очень позорный визг. Руки настоящего мужчины заплясали на руле, машина завалила, ее боком потащило на стрелков, заставив шарахнуть в рассыпную... Мелькнула, исчезая под колесами Москвича, уже раздавленная Опелем голова мертвеца, обнимавшего шоссе...

Выписывая виртуальный вираж, Москвич круто накренился, задрал обе левые лапы, словно прося пощады. Позеленевший авантюрист закрыл глаза, инстинктивно вжал голову в плечи и отключился от реальности... Будь, что будет.

... Слизнув задние фонари опеля, и, вероятно, только благодаря Опелю, Москвич кое-как завершил смертельную эволюцию и не опрокинулся. С отчаянным дребезгом машиненка плюхнулась всем пузом на дорогу и, слепо рыская от кювета до кювета, очумело покатила в сторону Брянска...

... Встречный трайлер брызнул дальним светом. Задымили заклинившие колеса. Затрубила сирена, вытряхивая искателя приключений из обморока...

Кровачу еще снилось, что он совершает в воздухе мертвую петлю, а ширококостная лапища, быстро перебрала передачи по восходящей и осколок расстрелянного зеркала заднего вида засвидетельствовал, что стеклянный теремок ГАИ пропал за изгибом солидарного с беглецом шоссе.

Приятно было на максимальной скорости отрываться от обезножившей погони. Уцелела только форточка левой передней двери, так что освежающего ветра в салоне было с избытком.

На первом же разветвлении Тим ушел направо, затем еще раз направо, потом налево, долго тряся на щебенке ремонтируемого грейдера, еще бессчетно вилял пока не вымахнул на неведомый, по всем приметам тупиковый проселок...

ГЛАВА 3

Куда меня несет? Внутренний компас интуиции беглеца вел его на закат, но горизонт в той стороне заволакивала мрачноватая туча, и солнце больше не могло служить ориентиром... Потянулись всхолмленные поля, поля, поля...

Проселок взобрался на холм... Сиротский вид покинутой людьми равнины навевал недоброе предчувствие... Тим взглянул на часы: вот уже два часа он бежит от себя прежнего... Заблудился...

Он выбрался из машины, снял промокшую до нитки рубашку, наполнил ее теплым ветром. Может быть это и хорошо, что заблудился... Тут-то уж точно не сыщут ни мильтоны, ни бандиты.

Как там Сусанна? Как там она без меня?

С истерически бьющимся сердцем Кровач затравленно огляделся... Ни души... Сзади, там, где он бросил свою прежнюю жизнь, небо жизнерадостно голубело... Освещенный заходящим солнцем крался вертолет...

От неожиданности Тимофей даже присел. Как же он не подумал о воздушной разведке... Дурак! Нашел где остановиться! По щеке поползли мурашки, каждой клеточкой кожи он чувствовал, как его обшаривают бинокли экипажа вертушки. Сил моих больше нет!

Будьте вы прокляты! Вот сейчас вертушка завалится на разворот и ноги не удержат. Ноги понесут ко всем чертям от проклятого рыжего соблазнителя, от машины, раскорячившейся на виду у всего мира. Один! Один на весь свет и все – враги!..

Вертолет не повернул... Обшаривает местность по квадратам?.. Тогда рано или поздно он достанет. Спаситься можно только в лесу. Но где, где он, этот чертов лес?!.. Выбора не было, оставалось снова довериться проселку и положить на авось...

И снова ухабы, стиральная доска слегка закатанной колесами пашни, ложбинки и всхолмки. География унылого бездорожья...

Смеркалось неспешно, но верно... А леса все не видать и не видать. Попадались лишь насквозь прозрачные корявые рощицы, где и задницы не спрячешь... Не один холм перевалил беглец, прежде чем смог различить на фоне сизой тучи еще более сизую полосу леса. Наконец-то! Наконец-то!

Теперь он мчался наперегонки со своим сердцем, насмерть обнявшимся с радостью близкого спасения... И за очередным взгорком едва не закувыркался в глубокий овраг.

Более-менее наезженный проселок благоразумно вильнул влево, и заюлил вдоль оврага. От проселка, по крутейшему склону, вправо ответвлялся поросший подорожником едва различимый пасынок, забытый судьбой и шоферами. Отчаянным был этот малоезжий пасынок. Он чуть ли не отвесно нырял в овраг... Но именно он уводил по ложбине к низкорослому лесу... К дьяволу левые повороты! Только направо, только направо!.. Да и поздно было тормозить...

Это был классный полет. Москвич приземлился на передние колеса, а когда зад шмякнулся о землю, под днищем что-то хряпнуло. Сломал рессору!.. Мать моя женщина! Залетел!

Как ни запуган был Кровач возможной поломкой, почесать левую ноздрю, давнишний знак самодовольства, но основательно почесать ноздрю он не забыл... Классное пике!..

Перекурив, Кровач ощупал рессоры. Поломки не обнаружил и растянулся на травке. Трава молчала. Луг молчал. Все здесь приготовилось к ненастью и затворилось в себе. Вот Был ли ты готов к ожидающим тебя испытаниям?..

Как же, позарившись на рыжий чемодан, ты совершил непоправимое. Ты не ожидал от себя, что предательство, первое настоящее предательство своей прошлой Честной жизни, произойдет так легко и естественно. Судьба тебе устроила предательство вовсе не потому, что хотела напакостить, она сделала это из лучших побуждений. Своим попустительством она давала понять, что до нынешнего предательства в тебе существовала некая жизненная незаконченность, даже несовершенство, даже незащищенность от убийственных сюрпризов реальности... Похоже, Лопух действительно превращается в настоящего мужчину.

А Предательство, понимаешь ли, закаляет. Ха! Леший меня чеши! Разве станет настоящим мужчиной, кто хоть раз не поблевал на вечеринке? Не переболел трипером? Кто, отдав всех сладостных соблазнов неукротимой жизни, для полноты ощущений, не познал и вкус горечи своевременной, поучительной измены... Так что, не суетись, милоч.

Так уж заведено в жизни. Если трезво смотреть на эту самую "нашу жизнь" не трудно понять – иное предательство даже благо, – это та же прививка от оспы. Иммуитет, полученный благодаря огорчениям от маленького благого предательства, предупреждает большое предательство, после которого от порядочности твоей остаются одни головешки... А измену идеалиста самому себе даже Судьба, мастерица плетения козней, никогда не признавала за большую измену.

Даже издали было видно, что вломился он в болотистый сорный лес. Лишь кое-где над редколесьем высились могучие пагоды перезревших елей. Когда-то здесь прошел гусеничный трактор, скорее всего трелевщик леса. Все чаще стали попадаться никогда не высыхающие рытвины. По сторонам потянулись заросли высоченной крапивы, осатаневшей от неумной живучести, корявые ольхи, кривобокие осинки, ржавая отцветшая черемуха... Глухие заросли становились все выше, они неспешно всасывали заблудившуюся машину...

Первую лужу Тимофей форсировал с ходу. Вырываясь из следующей, едва не забуксовал в прошлогодней тракторной колее... А впереди настороженно поблескивали новые и новые колдобины... Сырая сладковатая духота гниения предвещала близкие топи. Вот и тракторная колея оборвалась, зачавкал под колесами коврик мягчайшей изумрудной травки, несомненный признак близкой трясины...

– Вырвался! – Вдохнул похититель чемодана. – Вот здесь – точно не найдут.

Вырвался, а радости нет. Как быстро надвигалась расплата за легкомыслие. В полном опупении, как сомнамбула, Кровач продолжал продираться навстречу неизвестности. " Что меня ждет? Что меня ждет за этими хлябями?"

Дорога, если можно так назвать щель в затхлои чащобе, кончилась бесцеремонно: сразу и бесповоротно. Прямо перед капотом громоздилась матерая, парализованная молнией ель. Половина сучьев отсохла, другая половина еще держала полуживую хвою, образуя довольно вместительный шатер.

Нет, ночевать здесь Тимофей не собирался. Он выжал сцепление, включил задний ход: будем прорываться назад! Кровач отпустил сцепление. Медленно, по всем правилам водительского мастерства, бог весть на что, надеясь... Колеса шустро провернулись в жидели. Сердце Тимофея рухнуло в ноги. Пропадаю! – вскрикнула душа. В отчаянии Тим добавил газа... Двигатель взвыл, Колеса плеснули грязью... и машина плавно осела на задний мост. Земля поплыли из-под задницы несчастного водилы... Писец!.. Сердце кувалдой крушило ребра. Попался! Попался, голубчик!

Очень хотелось надавать себе по мордасам. Тим привалился к ели и попытался восстановить ход событий. А был ли у него другой выход? Из болота все его действия, начиная с вполне "невинного" желания погреть загребущие ручонки на чужой беде, казались сплошной ахинеей.

Мимо виска заунывно пропищало, и тут же комар вонзил свое копыцецо в левый висок. С досады Тим слишком размахнулся... Голова загудела. Опрометчивый комарик – первая жертва сезона охоты на халявные чемоданы... Вот ты и душегубом стал, господин Кровач...

Эйфория веселого приключения выдохлась. Настоящий рискованный мужчина погрязал в полном дерьме... И это лишь начало мытарств для безмозглого прохвоста...

Ночь в дырявой колымаге – не подарок... Десятый час. Пора заpastись валежником... В лихорадочном темпе заложник болота натаскал сушняка, настлал под елью из лапника постель и разжег костер... Он совершенно вымотался. Пробовал подремать и не смог. Не трескотня автоматных очередей в аэропорту, не клекот страха перед погоней, – тупое сознание бесполезности собственного удалства в полностью провалившейся воровской аванюре пинками гнало сон прочь.

Как же я хочу пить! ... Мама родная! Как я хочу есть!!! Нет, лучше сначала глоток водицы. Кровач прислонился к дереву, и остервенело, выкурил две сигареты подряд... Взгляд то и дело невольно спотыкался о блаженствующий в мягком кресле рыжий чемодан. В пиковом положении пораженца эта вещь была такая же бесполезная, как и выброшенный окурочок. Что я в него так вцепился? Обшарпанный, безобразно брюхатый, а самодовольство так и прет...

И, как ни крути... Чемодан нагло овладевал его мыслями. Чемодан явно обладал колдовской притягательностью. Он прямо-таки пузырился от желания преувеличить свою жалкую роль в жизни бедствующего авантюриста. Гад! Втравил в историю, а чем может порадовать? Порядочный человек в такой обшарпанной рухляди не будет держать даже грязных рубашек! Даже дырявых носков!

Не было ни малейшего желания, хотя бы от скуки, взглянуть на похищенное Нечто, претендующее на роль гвоздя воровского приключения... Зачем? Чтобы убедиться в худших своих предположениях?.. Чтобы посмеяться над собственной жадностью?

Ну, уж нет! Однажды он уже влип со своим дурацким любопытством. Слишком хорошо помнилась липкость той грязи стыда на лице, что он испытал один-единственный раз, лет пять назад, заглянув в шкапулку Сусанны. Как же он плевался, прочтя полученное Кристиной накануне покаянное "любовное" послание от друга юности, от Севы, ныне бармена в ресторане Минск... Именно послание, выпретенное, развязное... Это был первый случай, когда он вплотную озадачил себя подозрением, а не трахалась ли его родная Суси, его милая Соничка, как называл он ее в ласковые минуты, а не трахалась ли его женка до замужества еще с кем. Нет уж...

Воспоминание о жене, наверняка, психующей сейчас дома, в полной неизвестности, не воодушевило. Поди, обзванивает аэропорты и морги... Обиделась. Долго будет помнить, лапочка моя... Ревнует, любовь моя темпераментная...

Стало совсем тоскливо... Он не заметил даже, что сжигает последнюю сигарету, последнюю радость голодного бродяги... За болотом мягко гроыхнуло. Пройдет дождь, и без трактора отсюда не вырвешься.

А в машине барином возлежал виновник всех его бед.

Не может быть, чтобы этот амбал, мать его ети, этот Грим, кого как зайца гоняют изо дня в день такие же, как он сам лиходеи, да не имел в записке курева. Хоть пачка да должна завалиться... На черный день... Должна! Должна! Должна завалиться если не пачка, то хотя бы одна сигарета! Обязана завалиться и все тут!

Уже через час Кровач бурно сходил с ума от тоски по куреву. Он повторял слово "должна" как заклинание. Он заклинал чемодан, как шаман закликает для охотника удачу, для женщины – благополучные роды. Он заклинал чемодан забеременеть хотя бы одной сигаретой... И дозаклинулся до того, что поверил в свою идиотскую выдумку о табачных запасах сыгравшего в ящик бандита...

Насмешливо над собою похохатывая, Кровач включил ближний свет и по-о-о-лез за чемоданом, готовый слабонервно разрыдаться от неизбежного разочарования... Замок чемодана оказался – ни фиги себе! Острога в машине не водилось. Монтировка, ну еще полдесятка рожковых ключей...

Монтировкой Кровач вырвал замок "с мясом"... Брезгливо откинул крышку вместилища чужих секретов. Так и есть! Засаленная тельняшка... Куда ее?... В костер! Скатанный рулончиком пестрый галстук... В костер! Папочка кожаная... Ах, пижон! В костер! Махровый бежевый халат... И сверху – банка!.. Сардины... Издевательство какое-то... Плохо заклинал необъятное чрево... Гора родила мышь...

Бережно отложив сардины, Тим потянулся к халату... Уж очень тщательно подоткнул по краям. Что же так заботливо он пытается скрыть?... Спорю на дюжину шампанского, – предложил он, наглея, Провидению! – Под халатом ты приготовило несколько блоков контрабандных сигарет! Нет! Гаванских сигар!.. Даже дотрагиваться страшно, так близок конец мучениям!

Пробудившийся интерес к чемодану увял сразу, едва он сдернул халат... В плотно уложенных картонных коробочках... Нет! Будь я проклят! Жизни мне нет!.. В продолговатых коробочках находились бруски редкоземельного элемента Германия...

И это все? И за это барахло я рисковал жизнью?

Осыпая чемодан самым грязным матом, Кровач швырнул брюхатого в костер... Мужественному решению грешника, явно сулившему возврат к нормальной честной жизни, (если хорошенько вымарать налипшее сегодня пятнышко позора), костер отсалютовал фейерверком искр... Но тут же зачал, завонял паленой кожей, зашкворчал и стал гаснуть...

Вне себя от ярости, Тимофей набросился с монтировкой на жестянку консервов. Он наносил мстительные удары с остервенением. Он вершил отмщение всем, всем, кто заочно посмеялся сегодня над ним...

Он сплющил банку с боков, он раскатал ее в блин – и все бестолку. Манна небесная, фальсифицированная консервами, с небес не осыпалась. Только распластав лунно улыбающийся жестяной блин на матером корневище ели, он пронзил его монтировкой насмерть. Брызнула серая кашка...

Переводя дух, экономно посасывая солоноватую дрянь, Тимофей возлег на хвойном ложе. С каждой каплей жижицы жажда свирепела все больше. Костер выдохся и вонял нестерпимо. Не было ни сил, ни желания подбросить сушняку. Раззявившись на кострище в потустороннем свете автомобильных фар, рыжий болван щеголял своей неистребимостью

К счастью, было тепло, даже душно. Сладкий вечерний запах болотных трав немного кружил голову. Мрачное беззвездное небо придавило землю. Не будет завтра погоды. Тимофей разложил сиденья, выключил фары, заставил себя помедитировать перед сном. От чрезмерной сосредоточенности, звон в голове стал нестерпимым. Надсадный звон наполнил все вокруг, гарантируя бессонницу.

Вонь, исходившая от тлевшей кожи, в машине чувствовалась сильнее. Помноженная на бессонницу, она была чудовищна.

Как ты у меня сейчас полетишь! – пообещал Кровач вонючему чемодану. Ох, и далеко же ты полетишь, паршивец...

Тимофей не поленился встать, схватился за ручку чемодана, предвкушая, ка-а-к размахнется... И... и тут же отдернул обожженную пятерню, до крови закусив нижнюю губу... Мать твою!!! Однако очень горячий чемоданчик! В сердцах он так пнул виновника своих несчастий, что его обуглившееся дно отвалилось... По вытопанной траве разлетелись какие-то полиэтиленовые пакетики... Дальше всех улетел в крапиву блестящий квадратный футляр...

Забравшись в машину, Кровач оглушил лес, оскорбленно хлопнув дверью, что было сил. В груди распалось отчаяние. Каждый сустав тела, превратившегося в комок страданий, спешил напомнить о перенесенных лишениях.

Один за другим спикировало звено кровососов. Началось весеннее наступление на дураков... Кровач отшлепал себя по лбу, по щекам, по шее надавал, но один неуловимый камикадзе все не прекращал атак. В изнуряющем душу звуке нельзя было отличить металлический звон комара от звона до предела натянутых нервов. Тимофей поглубже натянул на лоб замшевую кепку и забубнил: не буду вставать! Ни за что не встану, хоть живьем съешьте!

И тут он вспомнил! Бычки! От сигарет должны остаться бычки!.. Ведь я никогда не докуривал до фильтра...

Он включил дальний свет, на карачках обшарил освещенное пространство, но не нашел ни одного окурка. Идиот, теперь ты запомнишь, как швыряться бычками...

Тимофей набросал в костер сучьев. Они дымили, но загореться не обещали. Наклонившись раздуть угольки, Тимофей оказался нос к носу с подозрительно знакомым лицом. Призрак отца американской демократии задорно рассматривал русского недотепу... Овальная портрет Франклина жизнерадостно засвидетельствовал: ну и мудака ты, приятель. Протри бельма, чем ты тут расшвырялся...

Тимофей прутиком выковырял из золы обгоревшую по краям пачку американских ассигнаций... Нет, нет, моя хваленая Госпожа Удача совсем утратила чувство юмора. Слишком дешевый трюк. Бенджамина Франклина прямо-таки развеселила встреча в русских болотах со специалистом по компьютерным сетям. Я стал добычей наваждения... Я планомерно, неотвратимо выживаю из ума...

– М-м-м! – застонал Кровач как от зубной боли. – Это уж слишком.

Вот когда стало по-настоящему страшно... Миллион вольт испуга, сверкнувшего в мозгу Кровача, не смог сравнить в землю даже молниеотвод, изобретенный Франклином. Шаровая молния трусливого удивления металась в черепе, как бешеная крыса...

Полиэтиленовых пакетов, перетянутых цветными резинками, было так много! И все с долларами! Да по плечу ли тебе, бедняга, это богатство... Представляешь ли ты, сколько тебе останется жить, как только ты наберешься наглости сказать этой куче денег – Мое!

Костер решил облегчить участь перепуганного совка, он вспыхнул. Огонь с урчанием стал облизывать пачки заморских купюр...

Кровач не сообразил затоптать костер. Сунул руки в пламя и стал выхватывать пакеты... Расплавленный полиэтилен налипал на пальцы... Это была настоящая пытка... Но Кровач все стерпел, отнимая доллары у огня...

Поплевывая на обожженные пальцы, Тимофей озирает поле выигранной битвы за свое шальное богатство. Купюры были достоинством от десятки до полутыщи баксов. Попалась одна даже тысячными купюрами. И еще какой-то замшевый кисет... Галерея портретов, цвет американской демократии лежал у его ног. Черт возьми! Вот это встреча, достопочтенные джентльмены!..

Педантично сложив добычу аккуратным штабелем возле ожившего костра, Кровач отыскал бежавший в крапиву футляр, оклеенный золотой фольгой, положил его сверху пирамиды долларов, и ощупал замшевый кисет... Что за кругляшки? осторожно, как готовую взорваться гранату он развязал замшевый мешочек... Не может быть!.. Леший меня чеши! Алмазы!

Господи! Как муторно... Тоскливое подозрение раздавила его... Так не бывает! Не смешите мои косички... Если даже это случилось со мной наяву, наверняка и бумажки, и стекляшки – фальшивые... Наваждение или не наваждение?.. То, что он видел перед собой, не имело названия. Это Даже не богатство... Это дьявольский подвох, устроенный вовсе не для того чтобы обогатить придурка, это наваждение явлено покарать придурка помутнением разума за жадность, покарать силой несметного удивления...

Кровач упал на землю рядом с деньгами, крестом раскинул руки и предоставил себя непроницаемо мрачным небесам. Он был не суеверен, он был пошлейшим атеистом, он не имел никакого отношения к церкви! Перекрестился лишь раз в жизни. При позднем крещении у бабушки Марии на дому... Имя божье упоминал всеу! Грехов за ним числится – не счесть... Тогда почему небесами выбран я, я, бесполезный для славы церкви мирянин? Почему наделен милостями Судьбы не истинно верующий прихожанин? Неужели только для того, чтобы в одно мгновение, я чудесно уверовал в существование Всевышнего и стал, из благодарности, его оголтелым ревнителем? Невероятно... Не по силам... Он был слишком тесен, чтобы вместить такое откровение Небес... Чем я смогу отблагодарить?..

Бормоча что-то себе под нос, Тим на четвереньках еще раз обшарил освещенное костром пространство, и наткнулся на второй замшевый мешочек... Как тут не поверить в потусторонние силы... Теперь он уверен был, если расширит круг поисков и обследует ближайшие кусты – то найдет еще что-то... Обязательно найдет!

Прополз – и точно! Нашел еще пачку тысячных купюр...

Скорее, тут поверишь не во Всевышнего... Не сам ли Агасфер нашептывает: еще поползай, еще попресмыкайся, славно это у тебя получается. И я, несчастный, верю! Верую: еще поползаю, – еще найду. Я так уверен в наведенном дьяволом предчувствии, что сейчас лопну от счастья!..

Кровач захохотал во всю глотку и стал валяться по траве как ошпаренный пес. Попался дурашка! Кто бы ни прибрал тебя к рукам – Господь или Дьявол, в этом заколдованном лесу до утра сам себе ты не будешь больше принадлежать. Дождись утра и наваждение исчезнет, хорошенько приложив тебя задницей на землю реальности.

В изнеможении Тимофей отполз под еловый шатер, заложив руки за голову, развалился на хвойной подстилке... Надо взять себя в руки. Умному человеку такую свинью Судьба подложить не посмела бы. Э, да бог с ней, пусть себе, заботливая, ткет вокруг дурачка кокон пресловутого счастья. Душа промумкала что-то насчет возвращения краденого законному владельцу? Ах, милая моя простушка. Но как вернешь? Кому? Где искать хозяина сокровищ? А если отдашь, да не тому. А позже явится по твою душу настоящий хозяин? Честный путь не оказался бы путем наиболее гибельным?

Главной проблемой были не деньги. Главной проблемой была неизбежная при таком богатстве погоня. Преследователи времени не теряют. Они везде. Они уже наступают на пятки... Погоня была уже в сердце, погоня не разожмет свои клещи на сердце, пока он не придумает, как защитить свалившуюся на голову обузу, приятную, черт меня побери! обузу...

Где-то рядом копошилась мышь. В болоте кто-то всхрапывал. Неуверенная в своем голосе, посвистывала в отдалении птица... Бедной была ночная жизнь болота. Случайное присутствие человека ничего не могло здесь изменить к лучшему, каким бы многозначительным ни представлял он свое пребывание на земле. Этим гиблым местом навсегда завладела зло- вредная нечисть... И ты тоже уже на крючке...

Проспал Кровач не более получаса. Но этого хватило, чтобы прийти в себя. Открыв глаза, он обнаружил, что ничто не изменилось. Звенели комары. Чадил костер. Ярко светили фары Москвича... На своем месте лежала куча долларов. Созерцание этой большущей халявы напол- няло тело бодростью. Если что изменилось, так только смысл его жизни, новой жизни халяв- щика.

"Вы хотя бы представляете себе размеры вашего Состояния, господин Денежный Мешок?" – игриво спросил себя счастливчик, новенький, как только что отштампованная монетка.

Пачки сотенных направо. По полтыщи – налево... Мелочь пока не в счет... Налево, направо. Налево, направо... Так... Так... Так...

Кровачу не понравилось, как трясутся его руки! Не солидно для богатея. Не думал, что пересчет денег настолько душещипательное зрелище. Губы даже сводит, когда они превращают десятки тысяч в сотни тысяч. Девятьсот... Господи! Уже за миллион перевалило...

И стало противно собственное возбуждение... Кровач перестал считать... Сначала надо голову сохранить на плечах... Сусанна сочтет...

А что все-таки в замшевом мешочке? Неужели алмазы? Неверными пальцами он распу- тал ремешок из сыромятной кожи. Выудил кругляшек, поднес к фаре...

На Тимофея хищно глянул радужный волчий зрачок. Прекрасный, но голодный зрачок. Голубые, золотистые, зеленые лучи ударили в самое сердце! Так и есть! Алмазы! Ограненные!.. В болотной глухомани от этого чудного сияния можно стебануться...

Содержимое замшевого кисета в горсти не уместилось... Тим медленно пересыпал дья- вольские искры с ладони на ладонь... Если бы он видел собственные зрачки, распахнувшиеся навстречу зловещему чуду из чудес...

Бедняга жаждал вечно созерцать голодное сияние бриллиантов. Кровач слабоумно заблеял... Набил рот алмазами и стал внушать себе, что лучи их щекочут его сердце, и делают его Всесильным. Кровач попытался глотать камешки и поперхнулся... У него действительно "поехала крыша"...

Выплюнув камни в костер, Тимофей лег ничком на хвойную постель, и полетел в про- пасть. Падая, он чувствовал, что и во сне за ним кто-то гонится. Он закричал и тут же проснулся от собственного крика...

Больше он о долларах не думал.

Вытряхнул содержимое своей сумки, оставив лишь три увесистых папки проекта и сек- ретную дискету, побросал в сумку деньги и драгоценности. Молния едва застегнулась. Белая пума на черном боку сумки располнела, и зафиксированный ее прыжок утратил стремитель- ность... Сокровища в сумке не уместились. Набил пачками карманы... Все! Уходим огородами навстречу мечте идиотов всей земли, всех народов: Жить припеваючи.

Нет, не все! Машина была главным наводчиком на его след. Такая родная совсем недавно, теперь она вызывала неприязнь. Задний и передний номера он выломал монтировкой и зарыл в кустах. Труднее было с номерами, выбитыми на кузове.

Он крушил кузов монтировкой, пока не взмок. Дырявил, ворочал рычагом. Оторвал зачем– то крылья. Исковеркал переднюю панель...

Проклятье! А еще номер на двигателе... Чем его раскрошишь...

Фары в упор светили в глаза. Отцова Машина была верным помощником. Как трудно оторвать от сердца привязанность к старой, хорошо обжитой, удобной вещи. Привыкая к их преданности, забываешь, что это неодушевленные предметы. Отрывая их от сердца, чувствуешь себя мерзавцем...

Но старт новой жизни дан... Но старт принят... В поединке с погоней все решит стремительность действий...

Кровач завалил машину сушняком, окатил бензином, бросил в салон горящую спичку... Едва успел отскочить от клуба пламени, охватившего машину. Не мешкая, подхватил тяжеленную сумку с добычей на плечо и, не оборачиваясь, затрусил вон из леса.

Не сделав и десяти шагов, Кровач обнаружил, что не различает дороги. Все расплылось в горячем, соленом тумане. Не вытирая слез, он повернулся лицом к пылающей подружке... Огонь трубил отходную... Невыносимо... Подбородок сотрясался как в лихорадке... Как я мог!.. Как я посмел... Прощай... Прощай... Нет, такие расставания не по мне... Я взялся не за свое дело... Недавний кураж "настоящего мужчины" как ветром выдуло...

Куда меня несет?! Мне страшно... Мне так страшно...

Он попятился. Прощальный свет задних фонарей, казалось, стал еще ярче. Машина криком кричала в его душе человеческим голосом. Кричала от боли расставания, отчаянно сопротивляясь густому, багровому пламени предательства.

Так он и пятился, задом наперед, вступая в новую жизнь, пока не взорвался бензобак.

ГЛАВА 4

До грозы Кровач успел добраться до оврага, в который загребел вместе с машиной. Сел на краю, отдышался. Теперь-то куда? Домой, – вякнула душа. Налево уходил проселок, по которому он приехал. Да, это была дорога к дому. Но пешему она ничего не обещала. Направо дорога продолжалась вдоль оврага – в никуда. Но в этом "никуда" мог завалиться шанс на спасение...

"Так куда повернем, заботливая моя?"

"Сейчас ты изменишь, течение всей своей жизни", – пригрозила душа авантюристу.

А что, собственно, должно измениться в моей жизни?? – Спросил Тимофей брюхатую грозой ночь. – Я всегда искал заработать. Довольно служить наглядным пособием, дающим возможность богачам, как пугалом, стращать холеных наследников: вот не будешь слушаться папку-дельца и станешь как эти моральные уроды, интеллигентные голодранцы...

Господи, внемли! Так Судья ли ты мне в эту грозную минуту? Я ведь не просил у Судьбы дармовщины. Она, видать, лучше меня знает закон сообщающихся сосудов справедливости. Судьбе отлично известно, где должно сегодня убыть, чтобы на завтра у честного человека тоже появился шанс на прибыль...

Кровач шагнул в неизвестность, навстречу своему единственному шансу. Чем ближе гремел майский гром, чем ярче становилась небесная паутина молний, тем шибче шагал Кровач.

Перевалил пригорок, сбежал в низинку, и тут молния полоснула над самой головой. Гром разодрал барабанные перепонки. Небо лопнуло. Тяжелый проливной дождь вгонял в землю. Молнии хлестались друг с дружкой белыми мечами. Оглуший, ослепший, Кровач прижал ковшик ладоней к лицу и жадно глотал теплые струи.

Красная картинка, моментальный снимок близкого горизонта, сделанный вспышкой молнии, долго плавал перед глазами. Различались черные горбатые силуэты. Ближе – красный иероглиф полеглого дерева... Деревня! На сегодня мытарства кончились!

Сердце ласково трепыхнулось. Тимофей не стал ждать, когда пройдет слепота, побежал на силуэты изб, но, не сделав трех шагов, споткнулся, рухнул на колени.

Инстинктивно выбросив перед собой руки, он наткнулся на пустоту. Голова камнем ухнула куда-то вниз. Он замельтешил руками и, обломав ногти, едва успел уцепиться за трухлявое бревно. Очередная молния осветила останки сгнившего колодезного сруба и рядом старую полеглую вербу. Он висел над черной бездной. Сладковатый запах плесени настораживал... Не ад ли распахнул передо мной свои двери?..

Дерево под пальцами крошилось и, казалось, притяжение бездны пересиливает сопротивление его мускулов. Сколько же весила сейчас его чугунная головушка?.. Извиваясь ужом, он все же сумел перенести центр тяжести тела на крестец, выкарабкался из протухшей ямы.

Сумка улетела неведомо куда. Он ходил вокруг колодца кругами, ощупывая землю под ногами. И Гроза ходила над ним по кругу. При вспышках хорошо просматривался выгон и въезд в деревню, как обычно обозначенный глубокими тракторными колеями. В розовой грязи копошились черви крупного отвесного ливня. Он видел все кроме своей черной сумки...

Торба с деньгами как сквозь землю провалилась. Вдобавок потерял замшевую кепку. Без нее стало совсем худо. Тим захлебывался в низвергавшихся с небес потоках. И в этом непотребстве можно было усмотреть новое знамение. Весь день – знамения сплошняком... Переоценила твои силенки безумная Удача... К черту! Все к черту!

Знать Нечистой силе что-то не понравилось в щедрости Судьбы Кровача. Нечисть постарается извратить ее порыв... Водяной оборотень, обитающий в старых колодцах, уже позарился на сокровища новоиспеченного нувориша...

Сняв раскисшие туфли, Тимофей поплелся через луг к избам.

Их было едва ли больше десятка. Вздорно разбросанные вокруг продолговатого пруда, избы выглядели необитаемыми. Мрак... Оглушают Барабаны небес... Красная от сполохов молний крапива... В пруду кипит красная вода... Слишком натуральная Декорация для фильма ужасов...

Тимофей заглянул в мертвые глазницы одной избы, обошел вокруг другой... Жизни нет, как нет...

Ливень валил с ног. Он заметно холодал. Потоп. Край цивилизации. Конец жизни. Даже если есть здесь хотя бы одна живая душа, осмелится ли она поделиться теплом с бедолагой, начиненным бесполезными здесь долларами. Он мог купить эту деревушку с потрохами, но никто не продаст здесь ему домашнего тепла. Даже если разбить стекло и самовольно залезть в хату через окно, кто встретит тебя, кроме мышей? Зубы вызванивали отходную...

– Погибаю, – просипел себе под нос Тим задубевшими губами. – Мамочка! Погибаю...

Едва вытаскивая из глинистой жижи пудовые ноги, Кровач потащился вокруг пруда к крайней избе, стоявшей на отшибе. Новый палисадник перед этой кособокой халабудой, единственный на всю деревню палисадник, один подавал надежду встретить в этих краях хоть одну живую душу...

Удивиться не оставалось сил, когда прямо перед ним мелодично проворковал женский веселый речитатив.

– Хватит, хватит... Эдик, кому говорят, – сорочку порвешь...

Распахнулась дверь, выплеснув на улицу яркий свет, и, не кланяясь ливню, в грязь ступил бритый наголо невысокий мужик.

– Валя! Ты, бля, гляди у меня! Шалава... – Мужика бросало по сторонам. Порывшись в ширинке он выкатил прибор и стал шумно мочиться...

– Ах, как хорошо-то. Душа в масле катается...

– Смотри в пруд не забуришь, солнышко мое... Эдик! Эдик! Не забудь, утречком отвезешь меня в Перьево...

– Гляди у меня. – Бурчал мужик, растворяясь в потемках...

Вот тебе и домовой... Оприходовал бабу и был таков... Ночь Чудес...

Коротконогая, полная баба с удовольствием принимала шалости прохладного ветерка, шарившего под длинной ночной сорочкой. Глубоко вдыхая сырую свежесть ночи, белый ангел-спаситель заблудшего на чужой стороне миллионера, блаженно почесывалась, поднимая то одну, то другую раскатистую грудь.

Как на горнее сияние доброго видения, подтащился к толстушке Тимофей. Он трепетал, опасаясь, что видение исчезнет прежде чем он представит на его суд свою в конец загубленную жизнь... Кадык ходил ходуном...

Видение слишком увлечено было воспоминаниями о состоявшемся свидании с домовым. В непогоду любовные миражи особенно обольстительны... И все-таки это не ангел, это ведьма, ведьма-спасительница, – уж слишком сладким веет от нее пороком...

– Добрый день, уважаемая. Заблудился вот. Машина сломалась. Я из Москвы. Не сомневайтесь, я порядочный человек. Инженер. Пустите обогреться... Душа и та околела...

Боже, сколько сиротства было в этом импровизированном заклинании. С такой проникновенностью в горемычном голосе только по электричкам побираться...

Задорно вскинув нечесаную голову, ведьма без опаски рассматривала полуночного проходимца... Добрые люди в такую пору приключений не ищут... Но он такой несчастный, такой смиренный, такой голосочек...

Ведьма была сыта, ведьма была великодушна... Припухшие, нацелованные губы едва сдерживали смех... Она быстро отступила в просторные пустые сени...

– Подождите в сенцах, я сейчас...

Тимофей поплыл. Под ним, на невымытом полу, позорно натекала грязная лужа. Раскачиваясь, по собачьи поскуливая, голодными ноздрями хватал он чудный спертый дух жилья, с садистской язвительностью выделяя благовония крепкого табачного дыма. Особенного дыма, с примесью странно воодушевляющего аромата.

В предвкушении первой затяжки это были сладостные мучения. Дверь жарко натопленной избы радушно распахнулась... Не надо, не надо, господа сочинители, фантазировать о великолепии Райских Врат. Вот Они!.. Войти и умереть от блаженства!

– Ну, что же вы! Входите... – Теперь ведьма слегка смахивала на Даму. Дама была причесана, сбрызнута одеколоном, завернута в цветистый наглухо запахнутый халат... Губища жирно подкрашены. Даже груди успела взнудать бюстгальтером.

– У меня тут не прибрано... Я только утром приехала на дачу...

– Меня зовут Тимофей. – Не таясь, миллионщик отлепил от пачки стодолларовую бумажку и положил на стол...

– Валюта? Нет, нет! Возьмите обратно!

– Не обижайте, сударыня. Не осталось у меня рублей. -

Как потеплел мой голос, разнежившись, отметил Тимофей. Оживаю.

– Печь у меня горячая, мигом оклемайтесь... Зовите меня Валея.

Ласточкой летала толстушка. Завернула раздевшегося до гола бродягу в пикейное покрывало. Поставила перед ним полный стакан божественно пахучей самогонки. Налила в таз горячей воды. Сыпнула горчицы...

– Сейчас я быстренько яишенку состряпаю...

Сунув онемевшие ноги в кипяток, Тимофей, конечно, наконец, испытал так называемое “блаженство”, испытал но не “высшее”. До “высшего блаженства” оставалась всего лишь одна затяжка. Он возбужденно поерзал на стуле. За спиной, на подоконнике, в голубом блюде обворожительно воняли раздавленные бычки... Самокрутки... Спасите мою душу-у-у! Он сглотнул вязкий ком тоски...

– Валя, извините. Мне бы закурить... Можно я возьму окурочек...

– Вы курите... Какой вы странный... Зачем же окурки... Я папирос не держу... Ну, вы посидите тут, я сбегаю к соседу...

– Как! В такой ливень!.. Валя! Не надо!

Тимофей пингвином выскочил из таза и, шлепая по полу босиком, бросился на перехват переусердствовавшей хозяйки.

– Умоляю вас! Не беспокойтесь

Он на лету схватил горячую пышку хозяйской руки и поцеловал с таким избытком признательности, что поцелуй получился нешуточно страстным...

Дама посмотрела на прыткого гостя долгим взглядом и стеснительно пожала плечами...

Пока хозяйка сосредоточенно колола яйца, миллионер вытряхнул из бычков остатки подозрительно зеленого табака (до упора выкуривает засранец), оторвал от прошлогоднего численника листок, краешек облюндовал, и неловко орудуя необученными пальцами, слепил уродливую, мокрую сигарку...

Заснул он к концу первой же, сокрушительной затяжки. На третьей затяжке свесил голову на грудь и оторвался от преследователей на целую жизнь вперед...

– Покушайте и полезайте на печь... – Из другой, покинутой, жизни шептала ласковая чародейка, овевая гостя здоровым духом сдобного тела.

Какие необыкновенные, добрые люди в этой чудной, покинутой цивилизацией жизни. Он все, все видел и все, все слышал в этой жизни, отчавившей в никуда прошлого, но уже не жил в ней. Полоса Пустоты между ним и этой незатейливой жизнью становилась все шире, невозможность возврата все очевиднее... Совсем другие качества требовались теперь от него, гостя прекрасной ведьмы...

Не высовываясь из табачного кайфа Кровач, не морщась, выцедил стакан самогона, проглотил яичницу...

– Полезайте себе и легайте спатки, – растекалась по сердцу ласка...

Он понимал как много ведьма не договаривает, наклоняясь убрать со стола пустую сковороду. Так много желанного и тучного еще осталось после лысого в ее запазухе. Но, увы, воровской зуд, всегда пробуждаемый в его руках стиснутыми лифчиком грудями Сусанны, но этот раз не проснулся... Нет, он никогда не зарекался, и сегодня не промахнулся бы, если бы в лесу его не изнасиловали деньги. И душу, и страсти, – все высосали доллары... Разве что утром прикадриться к сисястой тетке...

– Вам подушечку побольше положить? Или лучше две думочки поменьше?

Когда шкодливая бабенция переходит на таинственный шепот, музам, с их арфами и цитрами лучше помолчать... Еще вчера он и минуты не помедлил бы, а сейчас не двинулся с места. Внутренний голос строго предупреждал – не верь... Кому, чему не верь голос Осторожности – не разъяснил... И Кровач не верил. Не верил – и все тут. Никому не верил в своей новой жизни...

Хозяйка вешала пиджак на плечиках перед зевом русской печи, а он следил за каждым ее движением – и даже в полусне не верил ни одному ее движению. И ее широкому телу, в котором ничего кроме неутоленной призывной похоти ничего не было, – тоже не верил.

Главное – он не должен терять контроля над окружающим пространством. И, прежде всего над своим чувством признательности за гостеприимство. От доброты своей, прежде всего, следовало ждать подвоха.

На нейлоновой жилке под низким потолком сушились розовый и черный полиэтиленовые пакеты с оборванными ручками. Он сдернул черный, переложил в него из карманов свои намокшие трофеи и только тогда (не помня как) очутился на раскаленной печи... Сунул пакет с долларами под подушку и, хотя это лишило изголовье части комфорта, отключился...

Здесь самописец сознания Тимофея сделал прочерк. Ни снов, ни сомнений, не предчувствий. Подсознание, властитель снов, не торопилось перестраиваться для грядущей безжалостной жизни.

Очнулся он точно в нужный момент. По предусмотрительности это было уже что-то звериное. Комнату наполнял мертвенно пепельный свет траурного рассвета. Комната казалась погруженной на дно пруда, который он возненавидел еще ночью... Все в той же длинной сорочке, Валентина увлеченно манипулировала чужим богатством.

Перед зеркалом на комодѣ возвышался аккуратный штабель зеленых пачек. Отщипнув от пачки обдуманное количество банкнот, толстушка складывала свою скромную долю в жестяную коробку с пророческой надписью “лапша”, а похудевшую пачку дензнаков возвращала в черный пакет. Как же, разве станет с утра, да с похмелюги такой галантный мужчина позориться перед гостеприимной дамой, пересчитывая свои несметные сокровища.

Тимофей видел в зеркале как посиневшие дряблые губы увядшей за ночь женщины вели несправедный дележ дважды украденных денег. Осунувшееся землистое лицо ее было спокойно, даже величественно. Совершался торжественный момент очищения от скверны нищеты и восшествие в светозарные чертоги обеспеченного будущего. Если прикинуть доллары на вес, то отъем полсотни тысконок наверняка будет незаметен. Мудрая, и честная женщина эта Валентина.

Да разве это воровство? Женщина своей десницей исправляла недосмотр Проведения, в свое время не обеспечившего и ей встречу с капризной Удачей.

В суете убегания от самого себя, Тимофей (это вранье, что он убегал от бандитов), потерял уже не мало. Вкус к забавным нюансам жизни заметно притупился. Ему стало жалко себя. Он был не способен прочувствовать всех тонкостей торжественности перерождения женщины из беднячки в богачку. Вот он не умел, как умела это затрапезная толстушка, обставить торжества обогащения счастливым, уютным умиротворением.

Даже преступление женщина превратила в запоминающееся удовольствие. Она священнодействовала. Всею душой отдавшись радости, она была прекрасна в своей незащитности. Такого он не испытает никогда. Так в праве ли он, тщеславный мозгляк, рассудочный авантюрист владеть тем, что другому дает истинно человеческие, воодушевляющие, почти духовные переживания?..

Но до чего скромна. Что ей стоило – тебя сонного топором по башке и – уля-улю, дорогой Тимофей Савельевич.

Вот губы скромной ведьмы перестали шевелиться. Женщина порозовела, словно испытала ошеломительный оргазм. Чувства благодарности господину Случаю переполняли нежное сердце. Из глаз прыснули слезы умиления. Она спрятала коробку, набитую долларовой лапшей, в нижний ящик комода и обратила свое сердце в красный угол избы.

Голубица, не смотря на сексуально привлекательный ватный живот, изящно опустилась на колени перед главной духовной ценностью избы, – халтурной одноцветной картонкой, заменяющей иконку Николы Угодника, и самоотреченно положила голову на пол.

Каялась она или возносила хвалу? Небось, пообещала купить угоднику лампадку?

Вот это уже было свинство. Плутовка возносила благодарение святому угоднику, хотя на деле честь благодетельствовать добрую женщину целиком принадлежала Тимофею Савельевичу Кровачу. Я взял на себя большую часть греха ее несправедного обогащения. Валентина на меня должна молиться...

Крестилась Валентина не долго. Поднявшись с колен заторопилась... Подставила скамеечку и тихохонько стала засовывать отощавший пакет под подушку. Тимофей с удовольствием втянул ноздрями взволнованный запах вчерашнего женского пота. Затаенное дыхание дорожной чаровницы придавала историческому моменту в ее жизни неотразимую привлека-

тельность. Тим даже примерился, поместится ли обольстительница на печке рядом с ним... Пусть заплатит воровской оброк натурой!

– М-м-м-я-я-у-у! – жарко выдохнул Кровач, открывая совершенно трезвые глаза, и крепко поцеловал хозяйку в губы.

– Ай! – взвизгнула душка-толстушка и обвалилась на пол.

Была ли Валентина в обмороке, или притворялась, опасаясь возмездия, но пока Тимофей натягивал заметно севшие портки, она не пошевелилась, хотя аппетитно задравшийся подол ее сорочки очень хотел, чтобы его озорство было оценено по достоинству.

Тим выгреб деньги из коробки, отлистал три сотенных в компенсацию возможных ушибов, случившихся по вине его страстного поцелуя, выпил громадный ковш прекрасной колодезной воды и, туго набитый долларами и надеждами, покинул первое пристанище в его поисках нового счастья. Прихватив, походя, со стола полбуханки ржаного хлеба.

Трепет, вызванный видом больших денег в робком сердце доброй женщины, передался и ему. Живительные силы неудавшейся воровки перелились в его вены и распирали теперь изнутри. Он был весел и подвижен, как надутый презерватив, заигрывающий с ветром. Все верно, полоса удач продолжалась, обреченная на исключительное постоянство. Блаженный! Дурачок! Сунул голову в петлю и ликует...

Никто не проводил Кровача, залетного миллионера, неповторимое олицетворение Золотых Гор, в кои то веки посетившее безвестную деревушку. Четыреста долларов, осыпавшиеся с этих Гор на Валентину, долго еще будут сотрясать бредовыми слухами округу, а Тимофею они крепко попортят кровь уже сегодня, но залетный миллионер еще не знал этого.

С оглушительным волнением приближался он по раскисшей тропке к заколдованному месту, где вчера нечистая сила сыграла с ним злую шутку. Если деньги водяной не припрятал в этой проклятой яме – богатство поминай как звали...

Сам не свой, Кровач заглянул внутрь полу обрушенного колодца глубиной, пожалуй, не меньше трех метров. Воды на дне не было. Сумка преданно ждала своего беспечного хозяина. Какое счастье, что водяной оборотень спрятал ее на ночь у себя. Невесть что могли бы сотворить со спавшим миллионером угоревшие от жадности любовники – ведьма и наркоман-ведьмак...

Возле сумки шевельнулось что-то живое. Проклятье! Нет, это собака... Размозженная голова чудовищно распухла. Почуввав человека, бедняжка приподняла голову, приветливо пошевелила обрубок хвоста. Голова дрожала и дрожал висевший на жилке глаз...

Сердце Кровача не ужалила когтем жалость... Он должен быть готов и не к таким натюрмортам-натюрмордам... Тимофей деловито отломил для обреченной псины половину экспропрированного у Валентины хлеба и мухой вылетел из замшелой могилы друга неведомого бывшего человека.

ГЛАВА 5

Странно, деревня утопала в раскисшей глине, а на этой стороне низины к подошвам ластился песок. Дорога почти подсохла и энергично взбиралась на пригорок. Через полчаса деревня исчезла. Как мираж....

Нет, нет! Не было никакой деревни, никакой Валентины! Все это мне приснилось. Ночь, гроза, горячая печь – нет, нет! В этом нет ни капли реальности... Скоротечная болезнь фантазии...

Он надал. Он почти бежал, перекошенный сумкой, неподъемной в нормальных условиях для нормального человека. Пот заливал глаза. Он рванул ворот рубашки. Довольно гал-

люцинаций. Костями лягу, но вырвусь из этого заколдованного околотка, где не будет никакой чертовщины, где все четко и определено, кто – враг, кто – не враг.

С каждым километром Сума зловредно прибавляла в весе. Намозолив плечи, теперь она безжалостно дубасила по икрам. Сколько верст этой проклятой земли отделяет его от цивилизации – страшно было предположить...

А как он мечтал о тишине полей, о запахе леса, о несуетной жизни среди трав и цветов, не опоганенных отбросами цивилизации. А что, пошел бы в учителя, срубил бы избу, учил бы ребятишек что такое MS-DOS, NORTON COMANDER...

Сусанна блажь про учительство обрывала сразу, но не препятствовала фантазировать о своей дачке, где-нибудь в сосновом бору. Кресло – качалка или гамак, томик сонетов Шекспира в руках, нет – хороший детектив, лучше про пиратов, и... сладкая дрема аб-со-лют-но-го отключения от любых источников информации, агрессивной в своей злободневности...

Дач своих родителей и Сусанны он откровенно не любил. Мало, что там ни на минуту не оставляли без дела, под окном на юг одной – сосед возвел свинарник, напротив терраски другой – сползлись три капитальных туалета и нагло благоухали на солнышке.

В старых, невероятно скученных дачных деревнях туалеты и свинарники казались главной достопримечательностью, хоть в окно не выглядывай. Какой там отдых, это было становище батраков, осатаневших в тоске о плодородии грядок. Вот где наглядно демонстрировал себя неистребимый кругооборот зловонных питательных веществ в дачном варианте природы.

О! Какую жирную точку поставит он теперь своим огородным мучениям. Он на корню скупит эти нищенские, погрязшие в фекалиях концлагеря, где ради пучка редиски землю мало того, что обкрадывают, истощая, так еще подвергают унижительным экспериментам с химическими средствами борьбы от сожителей земли разных там жучков и червячков...

О! Тимофей Савельевич Кровач предаст архитектурно-беспородное порождение нищеты очистительному огню и разобьет на пепелище прекрасный сад, где каждый белый человек будет иметь возможность и время с чашкой чая в руках любоваться закатом или цветением вишен... Нет, лучше цветением персика... Нет, лучше цветением каштана с его свадебными бело-розовыми свечами на майских ветвях...

Трактор Беларусь немного обогнал его и резко затормозив, заглох.

Господи, ты не забыл! Верю, Ты сопровождаешь меня в скитаниях. Отвалю полтыщи, даже тыщу дам молодцу-трактористу, – пообещал Кровач про себя.

В студенческую пору, в стройотрядах он поработал и на гусеничных, и на колесных тракторах. Его всегда удивляла одна каверзная манера потрепанных белорусских тарахтелок. Стоило ему сесть за руль поддатым, как при лихом торможении двигатель непременно отключался. Вот и этот работяга остановился как вкопанный и заглох, предупреждая, что за рулем – датый! Дверца резко откинулась.

– Залезай, брат.

Тимофей ринулся в кабину, готовый расцеловать спасителя... И наткнулся на неподвижный фарфоровый взгляд. Огромные, плоские зрачки распирала неживой белок... Тракторист вцепился в сумку с деньгами мертвой хваткой и рванул на себя...

– А ну, дай сюда, говнюк!

Первым делом Кровач вспомнил почему ночью так быстро окосел от окурков, валявшихся у Валентины на блюдечке. Потом только до него дошло, что перед ним стриженный любовник Ведьмы-Валентины, что след его взял отпетый наркоман.

Эдик размахнулся молотком... Вот оно, российское головотяпство. Плохо насаженный Молоток соскочил с рукоятки и просвистел возле уха доверчивого магната...

Застигнутый врасплох, Тим попятился. Рванул сумку на себя и обрушил стопудовую тушу Эдика себе на голову. Стриженный сумел подняться на ноги, пригнул угрожающе голову

и ноздри его зашевелились. При падении он рассек лоб и теперь со щетинистой рыжей брови капала кровь, густая как мазут.

Эдик сделал шаг вперед, Тимофей – отступил на шаг. Тракторист еще шагнул и вытянул перед собой руки со скрюченными пальцами... Какими устрашающе могучими были эти крюки-пальцы. Какими широкими толстые ладони. Каким зловещим был на них рыжий курчавый пушок, пушок убийцы, в деревенской глуши недосыгаемого для правосудия. Но самое отвратительное в надвигающейся смерти была очередная черная капля крови, назревавшая на брови...

Тимофей бросился наутек... Сумка путалась под ногами... Наконец он бросил сумку. Эдик наткнулся на нее и упал. Придерживая загнанное сердце, сквозь кровавый туман в глазах, Кровач наблюдал, как победитель, даже не заглянув в нутро, нетвердо ступая, поволок к трактору за ляжку его баснословную кассу. Его ленивая походка выражала полное презрение к трусливому слабаку, не способному защитить свою добычу.

–Ты! Козлище! А ну, поди, сюда!! – петушком крикнул Тима и сорвал голос.

В два прыжка (ну, может быть не в два) настиг Кровач свою широкоплечую, приземистую мишень и дал пинка под зад. Эдик сонно обернулся, не узнавая хозяина сумки. Даже не перекидывая добычи из правой руки в левую, Эдик автоматически повел плечом, размахиваясь кулачищем как косой, – широко и обстоятельно... Этот метатель кулаков представлял из себя адскую пращу, заложенный в нее кулак-бульжник, несомненно, смел бы на своем пути с десяток, таких как Кровач чудиков.

Тимофей быстренько всадил свою модельную, свою остроносую туфлю-клинок в отвислый пах злодея. Точно так действовал доблестный рейнджер Уокер. Эдик даже не охнул. Сокровищ из рук не выпустил. Согнулся слегка – дух перевести...

Тело Кровача-мстителя превратилось в отлаженный механизм убийства. Сцены драк из силовых кинофильмов мгновенно сложились в программу действия для автоматического оружия по имени Тимофей Кровач.

Откуда что взялось. Сложив кулаки, Кровач возложил их сдвоенную ударную мощь на затылок негодяя... Правда, в действительности удар пришелся между лопаток стриженного, но, все-таки, свалил его. Тим рухнул на Эдика вслед за своими кулаками... Что ж, когда-нибудь научимся пользоваться всяким оружием, тем более непривычным, тем более автоматическим.

Тимофей ужаснулся и одновременно обрадовался железной твердости своих пальцев, заклинивших горло врага. Вот только теперь он нутром воспринял тот мистический образ, что, наконец, материализовался в реальности и носит клеймо – враг. Он вошел в прямой контакт с миром своих врагов и почувствовал, что может! Может что-то противопоставить этой хамской, беспощадной силе кулачного права...

Пуская пену изо рта, Эдик тяжело ворочался под оседлавшим его Кровачем. Руки у него оказались коротковатыми. Скрюченными пальцами тракторист все не мог дотянуться до тонкой шеи Тимофея. От удушья тракторист быстро сомлел и Кровач ослабил петлю своих рук на его шее. Ну и дурак. Эдик был слишком живуч. Он ужом крутанулся из последних сил, поднял Кровача под себя и стал отрывать от своего горла его дрожащие руки, окостеневшие в мертвой хватке. Это ему не удалось. Тогда он стал отжимать подбородок Кровача, напихал в рот душителя довольно много песка... Но руки его быстро слабели...

Кровач животом подбросил тракториста, перекувыркнул через свою голову и снова оседлал. Теперь он крепко сжимал грудь наркомана коленями. Тело Эдика замельтешило... Он более не сопротивлялся. Грудь его вздымалась все реже, но рассвирепевший Кровач все давил, давил на щетинистый кадык, пока Эдик – не скопытился...

Отдуваясь, бравый зверь Кровач победно скрипел песком на клыках, возвышаясь над своим первым поверженным врагом. Хотелось лечь на землю, смотреть на мерно плывущие

облака ни о чем не думать, ничего не желать. Не с такой победой и не над таким зачюханным соперником хотел бы покидать ристалище доблестный побиватель хамов.

Брезгливо обойдя сумку, Кровач рывком забрался в кабину трактора. Опомился... Обшарил все закоулки, но шнур для пуссача не нашел... Размандей, – помянул он безалаберного мертвеца... Он что, – пальцем заводит движок... Дела. Так не хотелось расставаться с железным конем, но пришлось снова перейти на пешую тягу...

Он оставил тракториста лежащим на спине, однако, уходя, обнаружил его лежащим ничком... Прикидывается?... Дело не дошло до беды?... Вокруг валялись втоптаные в землю сотенные банкноты. Кровач ощупал карманы. Нагрудный карман рубашки Эдик оторвал... Рассыпалось не более пачки зелени... Деньги собирать не стал. Пусть на них похоронят проигравшего.

Тим с ненавистью приблизился к неподъемной торбе... Белая пума на боку продолжала начатый еще в лесу прыжок. Будь ты проклята! – выругался беззлобно Кровач и побрел в направлении хищного броска белой пумы... Схватка с Эдиком ополовинила силы. Как ни понукал себя ходок, темп бегства заметно снизился и продолжал снижаться...

"Добей! – вспомнил вдруг Кровач об воровской осторожности. – Добей, если в своем уме! По глупости пощадил Валентину-наводчицу, первого свидетеля твоей неопытности, теперь вот еще одного... Исправь хотя бы вторую ошибку... Добей наркомана или брось сумку и перестань корчить из себя Настоящего Мужчину.

"Уйди от греха!" – взмолилась душа Тимофея.

"Ну, так помоги своему болвану бежать. – Съехидничал Вор в шкуре бывшего Совка. – Отдай ему свои мотыльковые крылышки...

"Да перестаньте вы делить меня. – Взмолился Тимофей, – Мне бы Глоток воды! Полглотка воды! Только бы губы смочить! А потом покурить... Эх, надо было обшарить Эдика... И попить можно было из радиатора"...

Кровач вспомнил о хлебе... Нет, пересохшее горло не протолкнет...

На дне очередного оврага Кровач обнаружил среди березовой молодой поросли подозрительно ярко-зеленую траву... Осока! Где осока – там вода... Спустился... Грязь после ночной грозы не высохла. Но кроме грязи – ничего. Даже роса осыпалась.

Голубой зилон-самосвал проскочил краем оврага так быстро, что Тим, с криками: подожди! подожди! не успел еще продраться сквозь березки, как развеялся в безбрежный далях и рокот крепко погоняемого мотора, и дурацкое громыхание пустого кузова... Хоть плачь! Даже в совершенно безлюдной местности удача осталась верной своему любимчику и подкинула шанс. Так прозевал свой шанс, мудазвон!..

Облака, облака, сколько глаз хватает, – одни курчавые облака. Солнце выпарило его мозги. Он сел на горячую землю. Хотел постелить пиджак, но где он теперь, этот набитый баксами пиджак... Не удивительно, если потерял, а то бросил как лишнюю тяжесть... Вернуться. Найти потерянные деньги? Ну, уж дудки! Накрыв голову рубахой, повалился набок, поджал ноги, но тут же вскочил. Если лягу – никакая сила не заставит меня подняться.

Кровач не устремлял больше вопрошающего взора в знойно мреющую даль. Нисколько не приближающийся горизонт ничего хорошего пообещать не мог. Кровач не чувствовал более течение времени. Тупо уставясь в землю, он впадал в спячку безразличия, переставляя ноги из одного упрямства. Все остановилось, даже солнце. Это раскаленное дикое поле готово было поглотить воришку заживо. Хоть волком вой.

И все же настал момент когда ноги отказались повиноваться и его упрямству. В полубреду он лег на землю пластом... Очнулся от картавого окрика вороны, проверявшей, не подох ли путник, не пора ли насладиться падалью. Сколько он пролежал в полуобмороке? Какая разница... Он продолжал лежать пока не услышал короткую, почти испуганную трель жаворонка,

такую странную в этой пустыне. Певчая птица возвратила Тимофею слабую веру: жизнь еще не кончилась, авось как-нибудь обойдется и на этот раз.

Кровач посмотрел на часы. Знаменитая Сейко упорно показывала полдень. В который раз – все полдень, полдень. Тимофей расстегнул браслет, и запустил часы в лаково блестящую ворону... Траурная птица не испугалась. Ворона была уверена – час кровавого пиршества не за горами.

Проселок давно отвалил куда-то в сторону. Придя в себя при очередном окрике вороны, Кровач обнаружил что гребется через пашню по свежему следу грузовика, единственному на всю округу. Чем дальше, чем больше высыхал песок, тем прозрачнее становилась эта подозрительная путеводная нить. Проедет ли здесь сегодня еще кто?

Наконец, Тим отшвырнул проклятую суму... Сорвал с себя штаны. Стало еще жарче. Выдернул из брюк ремень, опоясался. Достал из сумки мешочки с бриллиантами. Кое-как приторочил их к ремню, и стал механически переставлять ноги, стараясь точно наступать на свою мизерную тень...

На какое-то время идти стало полегче, но ненадолго. Он все чаще ничком вытягивался на горячем песке. Земля покачивалась. Он чувствовал ее вращение? Или головокружение предвещало тепловой удар?

Вдруг воздух над ним приятно шевельнулся. Это было что-то новое. Тим открыл глаза. Ворона разворачивалась. Совсем низко, можно дотянуться рукой. Она сделала последний контрольный облет дохлятины, уже выпустила когти, целясь сесть ему на грудь. Он не шевельнулся. Он спокойно наблюдал за стервятницей. Он уже не боялся, что не встанет, он ничего больше не боялся. Боже! пресловутое второе дыхание так и не появилось.

Яровое поле начиналось холмом и заканчивалось холмом. Знойный южный ветер больше не успевал осушать задубевшую, липнущую к плечам рубашку... Он содрал ее через голову. Было так больно, словно сдирал со спины кожу. Обгореть он успел и в рубашке.

Слева в отдалении виднелись симпатичные кущи больших деревьев, – признак жилья. Он правил к ним, но они все не приближались. Почти призрачный след грузовика он тоже потерял. Да и много ли от путеводной той нити толку, если она так никуда и не привела...

Вместе с утратой чувства времени пропало и чувство расстояния. Он заблудился во времени и пространстве. Сколько же он топает? Три, пять или все десять часов? Жажда... Ничего кроме жажды... Даже ее мучения уже стали обыденными. Какая скука... У моего тела даже тень пропала...

Кровач давно не замечал, что солнце жалит то одну щеку, то другую. Не удивился когда дважды прошел мимо одного и того же зеленого валуна, заляпанного сметаной птичьего помета. Завершал чудесный камень, нахохленный коршун с открытым клювом. Мрачноватый объектив большого круглого глаза строго контролировал все что шевелилось в округе. Проветривая подмышки, трагическая птица расправила крылья. Жандарм окрестностей даже головы не повернул ему во след...

ГЛАВА 6

Нежное пиано хорошо отрегулированного движка Кровач слышал издали, но не стал прерывать дремоту, предвещающую вечный сон. В долине наваждений может пригрезиться и не такое... Обмотав голову рубашкой, он так хорошо лежал на раскаленном песке...

Очнулся Кровач оттого, что посторонняя рука стала нежно отвязывать с ремня замшевый кисет с бриллиантами. Он почувствовал что отдохнул и не спешил. Приоткрыл глаз... Откуда здесь взялся белый жигуль? Подобрался и когда вскочил на ноги, руки его точно сцепились на горле...

Боже! Женщина! Он душит на капоте машины весьма приятную на вид женщину... Какая маленькая. Соплей перешибешь... Откуда? Он оттолкнул незнакомку и потер виски, восстанавливая связь с реальностью.

– Псих! Я хотела помочь вам! -

Женщина задыхалась. Но ее сиплый хрип не разжалобил Кровача. Женщина покусилась на его бриллианты. Женщина – враг.

Тимофей огляделся. Сознание он потерял на перекрестке двух проселков. Наверное, решил ждать попутку... Они на перекрестке одни... Дорога, на которой стояла машина, была неплохо укатана. По другой после ночного дождя прошел, пожалуй, лишь один грузовик. Стоя на коленях, женщина отплевывалась белой слюзью.

– Где моя сумка? Тимофей рывком поднял врага на ноги и свирепо заглянул в душу.

– Признайтесь, где моя сумка?

– Отстань ты от меня со своей сумкой! Идиот! – просипела женщина, едва шевеля бескровными губами. Она направилась к открытой двери машины. "А ведь уедет, стерва"...

– Стоять! Ни с места!

Женщина насмешливо скривилась, но повиновалась кретину, насмотревшемуся гангстерских фильмов.

Кровач задом опасно попятился к машине, заглянул под руль. Ключ зажигания торчал в замке. Выхватил ключ. Проверил багажник. Сумки нигде не было.

– Если хочешь жить – ложись на землю ниц, руки на затылок! Жди здесь. Уйдешь – догоню и удавлю! Не найду сумку – тоже удавлю.

Запугивание было нелепо. Женщина пылала яростью, она не боялась изможденного чужака, потому что не зависела от него. А вот он – зависел, потому как не знал дороги. Рано или поздно он сам поймет нелепость своих угроз, поэтому она и не подумала ложиться в пыль. Команда для женщины была неприемлема ни при каких условиях. Она не собиралась позволить сумасшедшему так вот запросто изнасиловать ее. Она подняла с земли камень. Кровач с силой швырнул упрямыцу себе под ноги.

– Лежать! Придушу...

Кровач запустил двигатель... И тут же прогремел выстрел... Ветерок со стороны стрелка принес вонючий запах... Глаза защипало, запершило в горле. Что за фокусы!? Неужели у дамочки газовая пукалка? Вай, какая крутая пигалица... Не оглядываясь на стреляющую женщину, Тим погнал машину по зыбучей пашне. А вслед ему выстрелили еще раз.

Суглинок полосами чередовался с песчаными участками, на которых следы исчезали и ему не раз приходилось возвращаться. Но сказано же – дуракам везет. Это беспечное племя у господина на особом попечении, здесь нужен глаз да глаз. Это умникам не нужно сопلي утирать, вот им от бога и внимания меньше...

– Иа! Иа! – заорал Кровач, когда Через километр подобрал на пашне пачку долларов.

Еще через пару километров, возле зеленого валуна, нашел штаны. Карманы были набиты деньгами... Но и этого мало. Распластав крылья, Коршун тупо продолжал свой вечный дозор. Старый хрыч наверняка знает, где валяется сумка с долларами...

Судя по пьяным вензелям собственных следов, заблудился он давно, и несколько часов нечистая сила водила его по кругу радиусом с километр. Только бросив суму, он вырвался из объятий дьявола и побрел точно в нужном направлении, точно в точку встречи с подоспевшим как по заказу жигулем.

Вскоре нашлась и сумка. Черный сейф миллионера валялся на боку. Молния расстегнута. Вокруг разбросаны пачки валюты...

Теперь Кровач готов был расцеловать свою шаловливую спасительницу. Он улыбался ей во всю физиономию. Но суровый вид ее не предвещал ничего хорошего. Женщина шла ему навстречу, выставив перед собой чернявый револьверчик, маленький, совсем карапуз...

Ого! Да, пожалуй, именно таким крошила незадачливого любовника отчаянная Таис из того разорванного детектива, что валялся в самолете под креслом. Комедия, что за пристрастие у дам к бульдогам! Ах ты, маленькая моя, как ты пропылилась... Макияж раскис и потек. Короткие ручки дрожат... И эта фифа позарилась на мои алмазы...

Тимофей задрал окна и медленно наезжал на хозяйку жигуля, отчетливо ощущая призрачную метку смерти, прилипшую точно по середине лба... А вдруг мне показалось, что револьверчик газовый? Ну, как полоснет дура свинцом?!

Женщина расставила ноги, револьвер сжимала по-американски – двумя руками, бровь прищуренного глаза лежала ровной линией, выдавая спокойную решимость дамы прикончить бродягу... Н-да! Крутой бабец. В натуре! Обучена убивать профессионально... Уж не на мильтоншу ли я нарвался...

Тимофей наезжал, дама не сдвинулась с места, он уперся капотом ей в живот. Приехали! Ты смотри-ка, – начинает нажимать на спусковую скобу... Черт! Что она делает! Губы шевельнулись, неужели начала отсчет? Неужели, в самом деле, на счет три саданет выстрел и молодой миллионер превратится в нищего покойника?

– Выходи, гад! Медленно! Ложись животом на капот машины. Руки на затылок. Ноги – врозь. Одно резкое движение, прикончу как бешеную собаку.

Сразу видно – бандитка баба хозяйственная. Жалко чехлы на сиденьях марать. Кровач спокойно повиновался. Сначала выбросил из машины сумку. Ключ зажигания, вылезая, успел завернуть под резинку трусов. Он не распластался на капоте, но руки благоразумно возложил на затылок.

– Зачем сумку выбросил из салона? А ну, положи на место!

– Ни за что!

Кровач поставил ногу на сумку и насмешливо оскалился.

Держа оружие одной левой, не сводя с пленника колючих глаз, дамочка задом скользнула за руль. Цап, цап, ан ключика-то нет.

– Хватит дурить! Ключ! – прикрикнула дама, теряя самообладание.

– А я тут при чем? – кисло улыбнулся Кровач.

Негодяйка однако, удовлетворилась и тем что заставила мужика стоять перед нею по струнке с поднятыми руками. Потешилась и сменила тактику. Кошмар! Она даже улыбнулась, натужно пытаясь свою агрессивность перевести на черный юмор.

– Дурачок! У меня есть запасной ключ! А ты подыхай себе! Обнимись со своей торбой и подыхай! Через пару часов я вернусь и возьму сумку голыми руками. А может быть ты попить хочешь? Попроси как следует...

"Ах ты, стерва! Ах, ты – шоферистка... А ведь уедет!"... Кровач, схватил горсть песка и швырнул вслед медленно отъезжающей машине...

– Вали, вали, пока башку не оторвал! -

Он наклонился за сумкой, но в поясице что-то хрупнуло и красная молния, пронзив позвоночник. Предупредила на полном серьезе: согнуться ты может быть и согнешься, но вот разогнуться тебе радикулит – не позволит. Он скрючит тебя в вечном поклоне на потеху этой блядищи... Теперь уж точно ничто не помешает ей завладеть твоими капиталами.

– Ну что там у тебя?– вернувшись задом, шоферистка хохотала ему в лицо. – Ага, радикуль! Бог шельму метит! Эй, ей! чего застыл как столб? Она злорадно приоткрыла дверь. – Может попросишь прощения? Смотри, второй раз не вернусь.

Она вышла из машины, поигрывая револьверчиком, приблизилась... Протянула руку к сумке... Глазами Кровач впился в курок револьвера. Курок был не взведен в боевое положение. Холодный пот окатил поясицу... Между ними не больше двух метров... Сделать шаг навстречу и задушить поганку в смертельных объятьях он не в силах... Но и торчать изваянием

он не будет. Издав от боли истошный вопль, Кровач боком нескладно повалился навстречу разбойнице, метя на лету вцепиться зубами в ее руку и вырвать револьвер ...

– Ах ты, мерзавец!

Шоферистка резко отпрянула и снова скрылась в машине. На высокой скорости она весело совершила вокруг беспомощного бродяги издевательский круг почета. Тимофей так рассвирепел, что готов был вцепиться в колесо машины. Он крутанулся на земле и еще одна стрела боли пронзила поясницу. Там что-то хрустнуло и поясница онемела.

Подмяв под себя сумку, он с тоской смотрел вслед медленно отъезжающей машине. Женщина махала из окна кремовым платочком. "Это конец... Это конец", – обреченно выстукивало сердце. Он подложил сумку себе под затылок и закрыл глаза.

Какое-то время он не чувствовал ног. Это было даже приятно, так как ноющая боль в суставах исчезла и не мешала обдумывать свое положение. Собственно, обдумывать было нечего. Далеко налетчица от добычи не уедет. Станет поодоль и будет дожидаться когда он околеет. Оставалось покориться бабе с револьвером. Смирно дожидаться ее возвращения, отдать сумку и умолять довести до больницы. Он был так плох, что не сомневался: она вернется за деньгами. Сомневался, что хищница не побоится оставить его в живых.

Через какое-то время сначала в левой ноге, а затем и в правой стала просыпаться колючая боль. Когда боль в коленях набрала силу и распространилась по всему телу, он пошевелился и стал медленно подниматься с земли. Ноги подрагивали, но повиновались. Вскинув, на плечо сумку, он двинулся по следу Жигуля. Шаг, другой... Поясница молчала. Он приободрился.

Теперь Кровач не позволял себе расслабляться, и все равно не заметил как шоферистка, пробравшись глубокой ложиной, тихо, шакалом, подкралась сзади. Звук клаксона разорвался в его сердце гранатой. Он выронил сумку и непроизвольно поднял руки вверх.

– Бог мой! Совсем оплахел парень. – Рыдала от смеха проклятая налетчица. – Да не бойся, приятель, повернись, повернись. Надоело притворяться. Радикуль у него, понимаешь ли!

Шоферистка не вышла из машины, лишь чуть приспустила стекло окна.

– Ну, бог с тобой, прощельга, я дарю тебе жизнь... С калеками я не воюю. И попить дам. Подай сюда твой дурацкий баул, а сам полезай в багажник. Я высажу тебя на трассе и катись ко всем чертям своей дорогой!...

– Крошка, вы серьезно?! – Кровач, проверяя работоспособность торса, сделал несколько боксерских пассивов. – Как видишь ко мне пришло второе дыхание. Этого хватит еще километров на двадцать. Так что вали, пока цела...

Бандитка приоткрыла дверь и снова навела на Тимофея револьвер. Теперь он отлично различал взведенный курок. Грянул выстрел. Вроде бы, ему целили в ноги, но он инстинктивно зажал нос, закрыл глаза и задерживал дыхание, пока не зазвенело в висках. Слеза все же прошибла.

– Возьмите, черт бы вас побрал! Я ничего не вижу. Возьмите сумку сами. – Пробормотал он, захлебываясь слезами и соплями.

– Бросьте притворяться. Неженка какой. Пока что я стреляла в сторону. Подайте сумку! Считаю до трех... Раз!

Она боится выйти из машины. Она боится меня, обрадовался Кровач. Носком боевой туфли он подвинул сумку поближе к машине...

– Два!.. – сипло каркнула грабительница.

Тим еще подтолкнул сумку и сам чуть-чуть вслед за нею приблизился к машине. Прогрел второй выстрел. Тим дернулся... И тут его разобрал смех. До машины оставалось совсем немного. Он уже знал что сделает. Леший меня чеши! Идиотке придется, придется открыть

дверь. Сумка тяжелая, придется наклониться, или поддеть сумку за лямку ногой... Это отличная наживка для любительницы халявы. Ну, ну же, засранка, выползай...

Садистка была довольна эффектом выстрелов. Истерический смех несчастного выдавал его полную деморализацию. Готовясь принять добычу из рук запуганной долларовой коровы, женщина переложила револьвер в левую руку, запустила двигатель и немного приоткрыла дверь. Показалась ее золоченая босоножка на толстой пробковой платформе.

"Ох, и дура. Вот что делает жажда наживы"... – Не прекращая смеха, Тим сгруппировался для последнего броска.

Господи, каким же примитивным был его следующий жест... Даму словно кто насильно вел точно по намеченному им сценарию решительной схватки за обладание миллионом долларов. Дьявол это был или светлый ангел возмездия, но этот "кто-то" не мешал женщине считать себя очень ловкой плутовкой. Она не стала вылезать из машины, она потянулась за чужим добром прелестной ножкой.

Тим наклонился к сумке, словно намереваясь помочь грабительнице, и попутно, как складной болванчик, неожиданно упал на колени, а затем на живот. Этого было довольно, чтобы руками дотянуться до машины. Тим хорошенько придавил даме ножку дверцей. Ха! Вопль! Буря причитаний! Разбойница-любительница с пустынного проселка судорожно дернулась от пронзившей ее боли, и забыла про все на свете, а главное про револьвер забыла. Как же маленькая страдала, как она кляла паразита с большой дороги, как же она...

Кровач подобрал револьвер, и, не обращая внимания на стенания обманутой сучки, прежде всего, внимательно его осмотрел. Странный какой-то. И похож будто на тот что вертел перед его носом бандит Грим и в то же время не похож чем-то. ОН небрежно крутанул барабан. Но исправный. Даже целый патрон есть.

Помочившись за машиной, Тимофей подобрал "пушку" и полез на заднее сиденье за аптечкой. Шоферистка больше не представляла опасности, пришло время оказать ей первую медицинскую помощь.

Что-что, а повязку Тимофей делал классно. Он любил лечить свою семью. Не обращая внимания на стоны женщины, наложил повязку на кровоточащую ссадину. Он не ждал объяснений, он сам был такой же пройдоха, хотя весьма желал хоть что-нибудь узнать о слегка им покалеченной авантюристке.

– Я не извиняюсь. – Кровач заглушил двигатель. Выдернул из замка зажигания второй, запасной, ключ. – Мы оба вляпались в порядочное дерьмо... Чего уж там... Кто вы и откуда? Только честно, насколько это возможно для женщины.

Минут десять шоферистка довольно фальшиво стремилась разжалобить чужака. Тимофей не мешал артистке до конца исполнить роль блефующей жертвы мужлана-миллионера. Зачем мешать идиотке зарабатывать прощение. Вотще, могла бы делать это и поизобретательнее. Например, пособлазнять немного и откупиться натурой... Других-то козырей у нее нет. Он бы, так и быть, не заставил бы себя долго уговаривать, глядишь, и согласился бы совершить, в знак примирения, ритуальный акт совокупления.

– Роли поменялись, мадам. Теперь я вас буду грабить. – Развеселившись, Кровач бесцеремонно заглянул в сумочку дамы.

Пачку Мальборо он нашел сразу. Но хотелось еще чего-нибудь, попикантнее. Он развязал узелок кружевного платочка и нашел заветный пакетик розовых презервативов. Вот как ему отблагодарить Провидение! Он явно переведен Судьбой на полное материальное обеспечение. Да будь я проклят! не заслужил я такой опеки!

– Ну, просто нет слов. – Загадочно улыбнулся он, рассматривая японские резинки с усиками.

Женщина вырвала из рук Кровача сумочку, выхватила маникюрные ножнички.

– Только посмей, подонок, прикоснуться ко мне – я кастрирую тебя...

Кровач бросил презервативы а перчаточный ящик, подал женщине сигарету. Она выбрала ее в окно.

– Надо, надо, уважаемая амазонка. – Кровач пожал плечами. – Покури, соберись с мыслями. Увы, это вам придется закончить неудачное путешествие в багажнике... Если я надуваю не прикончить вас, а сдать в правоохранительные органы.

Он подал бедняжке вторую сигарету. Красивая ладошка незнакомки растерла сигарету в прах...

Вот теперь... Кровач сглотнул комок нестерпимого предвкушения... Не верится... Вот теперь мы... По-ку-рим. Он сунул револьвер за пояс, сел на землю, прислонился к горячему колесу и губами медленно вытащил сигарету из пачки. Чиркнул колесиком зажигалки... Сердце затрепетало... Сделал первую затяжку... Челюсть слабонервно задрожала... Он зажал дым в легких и не выпускал из себя, пока не потемнело в глазах... Вот оно – подлинное Блаженство.

– Верните мне мои сигареты. Я тоже хочу.

Почувяв искусительный аромат табачного дыма, шоферистка высунула руку из окна, капризно потребовала сигарету. Она отыграла сцену обиды и нужно было придумать что-нибудь более искусное, чтобы и живой остаться, и не быть изнасилованной, и машину не потерять, и отомстить за свои бессильные слезы по поводу неудачного ограбления придурошного чужака.

Курили молча. Тим опьянел и стал добрым, добрым. Теперь у них оставался лишь один выход, один на двоих – посмеяться над собственной неопытностью в таком азартном ремесле, как отъем чужих денег " на большой дороге". И они не без удовольствия посмеялись, двусмысленно иронизируя друг над другом. Они посмеялись, временно предпочтя худой мир жестокостям войны, но никто из них не сомневался, что попытки ограбления будут и будут разнобразиться, пока Вор и Воровка не поймут что силы их равны и насильственный передел собственности уже невозможен. А когда поймут – разбегутся как два волка, в разные стороны...

– Тем не менее, – насмеявшись напомнил Тим, – машина остается за мной.

– С какой стати? – личико разбойницы скривилось, но говорить она пыталась очень вежливо.

– По закону джунглей. Не нравится? Могу уехать без вас. Как же вы на одной – то ноженьке поковыляете в свой воровской притон... Да вас еще пахан и приберет, если вернетесь в банду без добычи. А будете вести себя смирно, глядишь, и денег заработаете.

– Нет! вы не имеете права! Назвать вам номер статьи по которой вы загремите на лесоповал? – попыталась протестовать падкая на чужие бриллианты.

– Да! – Сказал Кровач, как железный засов за собой задвинул. – Пока не выберешь на большую дорогу, машина моя. Я сильнее вас и злобнее. И бульдожка ваш, – Тим похлопал себя по карману, – ваша пахучая падалью псина тому свидетель. А теперь освободите место водителя.

Хозяйка колес хотела перебраться на заднее сидение, но Кровачу показалось, что безопаснее держать шустрячку в поле зрения и приказал ей сесть рядом. Тимофей воткнул первую передачу и... беспомощно оглядел пустые знойные холмы, равнодушно подпиравшие неумолимо пустой горизонт. Куда рулить? Он сурово оглянулся на своего врага. Женщина засмеялась вполне благодушно...

– Уверяю вас, вы заблудитесь, костолом вы эдакий. Вот зачем меня избили? Извинитесь за свое хамство и я подвезу вас до автобусной остановки.

Они поменялись местами. Женщина долго и тщетно натягивала на коленки короткую юбочонку, потом достала зеркальце и ваткой протерла лицо. Под гримом она оказалась слегка конопатой. Солнце не пощадило и ее...

Шоферистка не воспользовалась укатанной колеей. Она попылила по едва заметному следу грузовика, что вывел Кровача на перекресток. Музыка мотора вселяла уверенность, что Судьба, было потерявшая в бескрайних полях своего любимца, нашла! Нашла-таки свою пропажу и выполнит свой долг до конца.

– Ваша прелесть, а не найдется ли у вас чем горло смочить... Помнится вы обещали. А то ведь могу и насильно, словом, экспроприировать.

Он не сомневался, что ангел-хранитель, нанятый судьбой, и пригнавший в нужное место и в нужный час жигулька, питья для своего избранника уж точно припас... Но голос его был довольно заискивающий.

– Пошарьте сзади, в кармане чехла. – Незнакомка была насмешлива, но, похоже, не злопамятна.

Он не выпускал из рук пластмассовую двухлитровую! целую! еще прохладную бутылку Тархуна пока не показалось доньшко... Только теперь звероподобный Инстинкт самосохранения Кровача, всю лютовавший под знойными лучами солнца, мирно свернулся калачиком где-то на дне мочевого пузыря и затих. Благолепие...

Нежное урчание мотора убаюкивало. Тимофей стал клевать носом, задремывая, но женщине не молчалось...

– Какой же вы все-таки неотесанный! Вы еще раз меня убедили: нельзя относиться к мужчине с сочувствием.

– Да, я животное, животное. Простите Христа ради... Я в долгу не останусь... -

Но этих признаний было мало.

– О! Запел, запел! Да уж, дорогой мой, раскошелиться придется... – Шоферистка усмехнулась и невесело вздохнула.

Пассажир не откликнулся. Он спал. Какой невежа. Вспаханые поля, подернутые зыбким маревом зноя, спящий пассажир усыпляли и шоферистку. Дважды она задремывала и теряла колею. Чтобы не загреметь в овраг, женщина стала отгонять сон анализом причин поражения в первой схватке с богатым чужаком.

Она с ужасом думала, что вполне могла бы, и убить этого странного мужика. Его подзрительная рассудительность продолжала ее раздражать. Ведь не сама она уберегла себя от кровавого преступления, а именно эта рассудительность и природная незлобивость, явно проглядывающая сквозь вынужденную грубость. Разве не видно, как противно этому мужлану насильем отвечать на ее нахальные претензии. Нет, нет! Это не поражение. Это своевременное тактическое отступление.

Да. Да, да! Все еще возможно. Другой бы глаз не сводил с нее, а он развалился и дрыхнет. Так в чем загвоздка? Момент – лучше не придумаешь, но что-то меня останавливает. Раскаяние? Да брось, мать финтить. Дело не в раскаянии. Да и не велик грех, отнять награбленное... Дело в бабском – "и хочется, и колется". Как всегда, в последний момент Агрессивности не хватает.

Разглядывая грязного, обгоревшего на солнце, всклокоченного мужика, от которого разило конюшней и табаком, шоферистка изо всех сил возбуждала в себе неприязненность, но напрасно. Вот если бы он напал первым... Увы, тюфяк... Сразу видно к большим деньгам не привык, и не умеет с ними обращаться. Этому растяпе нужна настоящая женщина, он, наверняка, потенциальный подкаблучник. Вот я бы... Да-а-а... Вот я бы...

Похоже, осторожное женское любопытство все очевиднее пересиливало мутную злость алчности. Не умнее ли будет обходными маневрами выяснить историю происхождения лихих денег этого беззаботного нувориша? Тогда удастся найти средство потоньше, например, шантаж? И никакой уголовщины...

Дурак, ну дурак! Кинуть в поле сумку с деньгами! Додумался. Идиот! Олух царя небесного! Дрыхнет! Кретин недоделанный! Нет, он мужчинка ничего себе... Если его влюбить в

себя... Две недели прокуковала на даче без мужика... Я бы его сейчас разорвала на части. Даже такого вонючего. Господи, да не верь ты дурной бабе. Пошутила я, пошутила... А может и вправду остановиться под благовидным предлогом в укромном местечке, "ля-ля, му-му" и соблазнить?.. Хотя бы ради здоровья. Ну, девка, ты же в порядке! У тебя получится!

Нет, это вульгарно. Если уж отдаться, так с умом. Пригласить к себе. Начипуриться. Создать интим. У него же глазки масляные, когда он пялится в мою за пазуху. Он же голодный. А у меня и вправду есть, что мужчине потискать. Больше того, ему и скрыться, поди, негде от своих врагов... А тут и секс, и жилье... А вдруг он еще и бобыль или не разведенный "холостяк"? Но это второстепенно, главное затащить в койку. Если правильно настроить себя и трахнуть со вкусом, с настоящим желанием... О! Так можно набиться и в компаньоны. И никакого криминала... Настоящая женщина нужна каждому мужчине, особенно деловому... Но деловой ли этот растрепай?

"Вот и ладненько". – Расслабленно думал Кровач. – Какая приятная дремота рядом с красивой, сообразительной женщиной. Коршун все кружит, кружит перед глазами... Ну и пусть себе кружит... Нет, нет, Душа, не дави на мою совесть, не продаюсь я! Не продаюсь! Я покоряюсь воле богов и принимаю их оригинальный материальный дар и в денежном выражении, и напитками, и транспортными услугами. И сексуальными не откажусь...

А шоферистка на меня глаз положила... Красивые бабы дурами не бывают. С ходу просекла! Разве могут Боги, эти дряхлые слуги Вселенной, разве могут наши Боги ошибиться, выбирая из тьмы бедняков-неудачников одного счастливого, чтобы продемонстрировать свое могущество?

Могу ли я роптать, что курьером моего счастья небеса назначили не Ангела, небесного казначея, но бандита с красивой кликухой Грим? Да и женщина, ты слышишь меня, душа? И женщина эта буйная не спроста посматривает в мою сторону так заинтересовано. Уж кто-кто, а женщина сразу отличит удачливого мужика от неудачника. Сразу рассмотрела красотка во мне любимца богов и блондинок. Думает я вырубился, красивыми глазками так и зыркает... Пусть думает... Интересно, что это у нее все выглядывает из-под подола... Почему она, вопреки моде, носит такую широкую юбку? Если что, так и снимать не надо... Фух! Если бы я был одет попримечнее, да не вонял...

Он фальшиво зевнул, натянул грязную мятую рубашку, разгладил липкими ладонями на груди, закатал рукава, выламывая зубья расчески, причесался... " Ба! Кажется, еще одну пуговичку на своей прозрачной вишневой блузке расстегнула дамочка? Так и есть!.. Какая призывная панорама обильных укромностей! Она же без бюстгальтера... Да она вотще очень даже ничего из себя. Просто прикольная баба! Чуть поправить макияж, освежить духами и тащи в койку.

– Так вам действительно – в Москву?.. – Смущенно и насмешливо спросила женщина, перехватывая откровенно похотливый взгляд пассажира. Она резко встряхнула крашеными перекисью, коротко стриженными волосами, словно приступала к осуществлению какого-то нового начинания.

– Как прикажете, путеводная моя. Раз уж судьба выбрала вас моим ангелом-хранителем, везите меня прямо на Палиху. – Доверительно шепнул Кровач в нежное ушко.

– Вы ведете себя, словно такси заказали по телефону. – Добродушно заметил хорошенький ангелочек не менее ангельским голосом уже с едва слышимой хрипотцой.

– А как же иначе!? Вас заказали для меня из небесной службы сервиса...

– О! Какая, однако, наглость! Хватит строить из себя особу, приближенную к престолу Всевышнего. Посмотрели бы на себя со стороны. Вы валялись в дорожной пыли, как загнанный в усмерть верблюд. Вы что, камни там таскаете? – Собеседница насмешливо кивнула на

черную сумку. – Как вы умудрились протащить этот сундук почти двадцать километров... Уже в одиннадцать часов термометр показывал все тридцать градусов.

– А, сумка... Это вериги мои... Зачем вам знать...

Женщина спохватилась. Не поскользнуться бы... Она надолго замолкла, временами дерзко озираясь на пассажира, словно решая, разгадал он какую-то ее тайну или косит под лопуха.

"Какое мне дело до ее тайн. – Хмыкнул Тимофей. – У женщины, да особенно хорошенькой, за каждым словом если не тайна, то иносказание или двусмыслица, которую она сама-то не больно понимает".

Жигуль с удовольствием глотал километры. Дождя здесь не было. В салоне стояла нестерпимая духота. Дорога пылила нещадно. Но они мчались! Удалялись от долины привидений и с каждым оборотом колеса приближались к дому, к Сусанне, под крылышком которой можно будет перевести дух перед неизбежными сюрпризами владельцев похищенных сокровищ. Только бы прильнуть к ее груди и сбросить последние сомнения в правоте своего лихого поступка.

За светской болтовней Тим напросился на бутерброд и неплохо совместил несостоявшийся завтрак с поздним обедом, сохранив при этом на авось кусок черняшки от Валентины. Бедная, бедная... Ну, ничего, четыреста долларов ее быстро утешат.

Дама была, вообще-то, для женщины, – не очень любопытной. Тиму пришлось все это время без подмены кувыркаться на сцене, развлекая благодетельницу. Дама была великолепным слушателем бессовестного вранья. Белокурая, с персиковой неувядающей кожей на шейке. Ну просто клевый бабец. Ей-ей, я тащусь! Надо же уметь так благоухать в тридцатиградусном пекле. Да она вообще не потеет. Лишь однажды остановилась на секундочку, чтобы подрисовать сочные, не славянские губы... И, между делом, без жеманства пописать в попавшихся по дороге кустиках, которые отлично просматривались в зеркало заднего вида..

– С какой планеты вас сюда занесло, господин пилигрим? – хитро улыбнулась спутница, не удержавшись полюбопытствовать по глазам льстеца насколько искренно его восхищение ее замаскированными сиреневой блузкой прелестями... Трепом она насытилась, пора навести справки...

– Слыхали Перьево?

– Ну, ну...

– Хотел купить там избушку под дачку. Сторговались, стал выезжать восвояси, забуксовал в грязи и хрясь! Полетела коробка передач...

– О, надо думать, у вас Волга? Это такая ка-ка!

– Верно, Волга, новенькая! Представьте себе конфуз! А сегодня в... семнадцать часов встреча с компаньонами! Зарезала зараза! Пропадаю! Если бы не вы... Завал да и только.

– Боже мой! Вы невыносимый враль! А может быть я не в Москву еду!? Не допускаете, что я тоже могу вас доставить в отделение? Для выяснения личности!

– Гром и молния! Россия все еще кишит диверсантами. Вот оно что! Так вы сотрудница СМЕРШа? Везет парням, приятно попасть на удочку такой прелестной ловительницы из Органов. Ну!! Клевый прикол! – пропел Тим. – Только не надо, не надо отнекиваться, товарищ майор! Все дороги, так или иначе, ведут в Москву. Вы прописаны в столице! Одне москвички шапаст по глухим дорожкам с наганом наизготовку. Ей, ей я тащусь! Нет, серьезно, где вы прячете свою пушку в мирное время?

– Господи, какой секрет. Под юбкой прячу.

– Как!

– А вот так! – дамочка на мгновение откинула подол... короткой, но весьма просторной джинсовой юбки.

Действительно на очаровательной ляжке лепилось на резинках какое-то сумчатое приспособление, но Тима больше заинтересовала не миниатюрная кобура, а голубенькие прохладные плавки. Полный отпад!

– Нет, я серьезно, – Тимофей замялся, полизал трещину в углу рта. – Неужели вы собираетесь сдать меня лягавым? Какой смысл? Я дам вам целых сто долларов...

– Ладно, там посмотрим, сэр. Но сотней вам не отделаться! Я тоже тороплюсь... В принципе... Завтра у меня нуднейшее судебное разбирательство. Актриса кино и театра хочет откусить у известного физика дачу и Вольво. Громадный, породистый мужик, но, увы... Импотент! Семьдесят лет и уже выдохся, бедняга... Но чувствуется девок попортил на своем веку... Представляете? Старик плакал, почти рыдал, не стесняясь нас, ехидных судейских баб, умоляя свою шкурку не уходить... Вот дура, ни черта не понимает. Этому старперу лишь бы, так сказать, ... подержаться... Кто мешал ей завести молодого любовника. Да старик был бы рад спихнуть на молодого жеребца свои семейные обязанности перед молодой женой.

– А вдруг она нашла и помоложе, и побогаче? – зевнул Тимофей, запанибратски возлагая длань на крепенькие плечики симпатяшки.

– Но, но! Руки! Руки уберите на место, молодой человек! Как пошло вы судите о женщинах.

Тимофей легонько стиснул плечики шоферистки и потянул ее к себе.

– Кыш, любезный! Руки! Руки!

– Что, вверх поднять? Или ниже опустить? Ладонь Кровача скользнула под задницу дамы, он ущипнул ее за ягодичу и дама возмущенно нажала на тормоз...

– Ща, по уху звездану, клянусь!

– Как? Уже приехали!? Молодец! Давно пора нам повалиться на травке...

– О! Ну и хамло!

– Ну, ну, пекло моего сердца! Я подожду, подожду еще немного когда и ваше тесто подойдет как следует.

– Дорого вы мне заплатите!

– Вотще я согласен накинуть вам полста баксов за оплеуху такой милой ручонки.

– Да я задаром насыплю вам оплеух, мой дарлинг. Нет, я не могу! Ох, слуплю я с вас, развратник фигов.

– Ну, маленькая моя, не ожидал, что вы отдаетесь за деньги. Не верится. Вы, больше смахиваете на мазохистку? Может быть вам больше по душе акт гуманного изнасилования?

Шоферистка ущипнула Тимофея за бок и рассмеялась.

Впереди на пологом холме начиналась невесть откуда взявшаяся лесополоса. Осторожно втиснув машину в подлесок, дама предложила Тиму проветриться... Молча провела меж деревьев и, не выходя из тени молодых вязов, охнула приглушенно с неприятным подтекстом...

– Так я и знала... Полюбуйтесь на них...

Холм спускался к оживленному шоссе. Тим заорал: вы гений, моя прекрасная незнакомка!

– Посмотрите внимательно. Вам знаком этот грузовик?

В тени древних верб, перед выходом проселка на асфальт, стоял голубой самосвал. Тимофей пожал плечами.

– Вас что, не обгоняла эта машина?

– Ах, да! Я забрел там в кустики... Этот парень промчался мимо так Летучий Голландец...

– Ждут-то Они вас! Эдик своего не упустит...

– Эдик?

– Да, сэр, вы придушили этого ублюдка да не до конца. Жаль. На вас это похоже... Не доводить начатого до конца...

- Что вы предлагаете?
- Не надо больше вешать лапшу. Чудак, бросающий четыреста долларов за стакан самогона... Вас с дуру и, правда, приняли за шпиона. В этой дыре долларов в глаза не видели.
- Алиби богача бесславно рушилось. Бледно-голубое пламя очей пронизательной бабенки наводило теперь на подозрения, не спознала ли и она с inferнальными силами Зла...
- Но, моя золотая! Я вовсе не богач... – Замялся неосторожный миллионщик, пытаюсь отвести сглаз от своих сокровищ.
- Отнюдь. Мне нет дела до того кто вы такой и откуда. По долгу службы адвокатская практика общения с негодяями у меня большущая... Позволю себе предположить, – вы или предприниматель, бежавший от мафии с надеждой отсидеться в глухомани, или...
- А что вы имели под словом – "или"? – дерзко поинтересовался Тим.
- Вы или не любите отдавать долги, или начинающий бомбила... Поверьте, мне очень не хочется продолжать экспресс-расследование. Я все-таки женщина. Интуиция меня редко подводит...
- Нет, вы меня достали! Да, да, да! Я бомбанул Сбербанк!
- Чушь собачья, но черт с вами! Мне вас жалко... Не надейтесь, что удача будет и дальше благоволить к вам. Вы не оригинальны. По опыту других мне известно чем кончают безответственные счастливики... Деньги вы промотаете если вас не прикокошат до того...
- Вам жалко моих бабок!? Надеюсь, на бескорыстии вы не станете играть?
- С какой стати? Я хочу свое заработать честно, чтобы не стояло костью в горле. Но довольно, не будем темнить, я открою свои карты...
- Чтобы мне легче было расставаться с деньгами?
- Царица небесная, как с вами тяжело иметь дело! Я все-таки женщина. Подобрал в поле чужака, я тоже вляпалась в историю. Эдик рецидивист с самым гнусным прошлым... Я или бросаю вас здесь и возвращаюсь на дачу, или вы платите мне...
- Рассчитаюсь вперед! Пятьсот долларов! – выпалил Тимофей, искательно заглядывая в глаза бесстрашной леди риска.
- Прощайте! Я не торговка и лучше вас знаю чем рискую... Да и вы тоже... Вот таких скупердяев рэкет и гоняет как кроликов...
- Побойтесь бога! Я не скупердяй! Сколько же вы стоите!?
- Кроме меня, вас никто в наших краях не спасет. Три Тысячи долларов и я доставлю вас к подъезду вашего дома... Если у вас остался дом, где вы можете прийти в себя от страха... А если захотите, – могу приютить у себя.
- Вымогательство, мадам? Какие доллары! Три тысячи! Откуда?! Да я подельнику плачу меньше!
- Честные деньги не рассовывают пачками по карманам, не так ли? Не забывайте, вас легко вычислить, здесь поблизости где-то вы бросили машину. Вскоре ее обнаружат наши бесхитростные крестьяне... И тогда наедут профессиональные каталы... Эдик организует на ваши деньги крестовый поход местной мафии. Жлоб платит головой...
- Прошу вас, не оскорбляйте меня. Вы крепко лопухнулись, милочка! Я не жлоб. – Патетически воскликнул начинающий авантюрист, с удовольствием входя в забавную роль добродушно прижимистого миллионщика, обожающего выторговать заветную копеечку.
- Все! Кончайте базарить! Или я вас спасаю от Эдика за три жалких куса или катитесь на все четыре стороны.
- Зело кровожадная женщина! – поморщился, рисуясь Тим. Делать нечего, воля прекрасной дамы для меня – как Коран для мусульманина... Даю полторы.
- Бросьте юродствовать. От Валентины всей округе уже известно – вы нафаршированы валютой!
- Ништяк! Уломали. Две тысячи даю и сверху большое мерси...

– Три! Три! Три! – в сердцах воскликнула шоферистка. – Господи, с кем я связалась. Как вам не противно сквалыжничать. Сделайте, черт вас побери, красивый жест! Разве я не заслуживаю?

У самосвала началась подозрительная возня. Высокий парень, открыл бензобак, сорвал прутик, померил и стал что-то доказывать Эдику...

– Господи! Хоть бы поскорее они убрались... Хотя... В принципе, это единственная дорога от нас до шоссе. Мимо Эдика вы никак не проскользнете. Но если вернуться назад немного, есть заброшенный проселок на овчарню. Там был хутор. И овчарню, и хутор бомжи спалили. А за хутором есть дорога на мельницу. Мельница, правда, сама развалилась. А дальше... Но вам это не интересно... Рискнем, молодой человек?

Шоферистка плюхнулась в машину и захлопнула дверь. Достала косметичку, тщательно стерла с лица примитивный макияж молодящейся дачницы и, вложив весь свой опыт доморощенного визажиста, навела маску роковой женщины, неспешно подбирающей ключи к сердцу перспективного мужчины.

Тим рассеянно жевал клейкий листочек липы... Он злился. Наглость жадной бабы была противна. Но чем противнее становилась эта баба тем сильнее было желание распять ее на травке и как следует оттрахать. Разомлевшая от зноя, женственно мягкая листва дурманила томными запахами, юная трава призывно шуршала под ногами.

Женщина нервничала. Она достала Атлас дорог и длинным ногтем с облупившимся фисташковым лаком прочерчивала маршрут. Шоферистка обдумывая план прорыва, и все поводила плечами, словно сбрасывала бретельки бюстгальтера. Она думала как смыться от Эдика, а Тимофей все не мог придумать как похитрее выманить ее из машины и завалить...

– Чего мы ждем? – раздраженно спросил он.

– Я уже сказала. Ждем когда нам освободят дорогу. Эдик знает путь через мельницу. Надеюсь, ему надоест ждать нас тут и тогда он помчится кружным путем...

Тимофей присел под деревом. Он старался образумить сердце, но оно ничего не желало знать. Оно почти выскакивало из горла. Наконец шоферистка выскочила из машины и закурила. Кружа возле жигуля, она позволяла прекрасным формам своего тела бесстыдно выражать свою привлекательность... Подрагивала ляжками, капризно дергала ягодницами. Выглядывая из кустов, она вызывающе раздвигала ноги. Нарочно или нет, но стремилась держаться к Тимофею все боком, боком, искусительно впечатывая свой богатый бюст в нежно-зеленый фон молодой листвы.

– Мне это надоело. – Женщина отщелкнула окурок.

Она села рядом с надутым Тимофеем. Припудренные тыковки груди вздымались так высоко, они вздымались навстречу понятливому мужчине почти с мольбой...

"Если бы я умнее повел себя, – расстроено подумал Тимофей, – Голубые трусики давно бы висели на антенне как штандарт свободной любви!"

Он не верил ни одной ужимке, но обнял шоферистку за талию.

– Что с вами, молодой человек? Вареный вы какой-то. Вы чем-то недовольны? Ну, будет, будет! У нас нет времени на сантименты.

Женщина оттолкнула Кровача и завела двигатель. Она гнала машину так, что казалось вот-вот отвалятся колеса. Иногда она притормаживала и обеспокоено оглядывалась. Кровач безучастно пялился в окно. Резкое движение женщины, обидевшейся на его медлительность там, под деревом, произвело в штанах его сокрушительный обвал.

За холмом, с которого они только что спустились, поднялся шлейф желтой пыли.

– Погоня? – шоферистка близоруко прищурилась, нацепила на нос очки в тонкой золоченой оправе, осмотрелась и тут же спрятала их.

– Погоня? – Равнодушно переспросил Кровач.

– А вы как думали! С вами хлебнешь неприятностей! Думаю, они обнаружили наши следы. Кажется, мы влипли. По проселку самосвал идет, пожалуй, даже шустрее жигуля.

У Кровача зачесался нос. "Неужели опять драка?" Он вытащил из кармана револьвер и на ладони доверчиво протянул водителюше...

– Тут остался один патрон? Как перезарядить?

– Ну, знаете ли!! Почему у вас взведен курок!? Вы что, держите меня под прицелом? Откиньте защелку барабана, вытолкните стреляные гильзы. Да сначала курок, курок спустите. – Дама, одним глазом наблюдая дорогу, пару раз ткнула пальчиком в револьвер и Тим постиг все премудрости обращения с Бульдозкой.

– Патроны в моей косметичке... Пошарьте на дне... Вы ни разу не стреляли?

Шоферистка осторожно спустила машину в овраг, заглушила мотор и ящеркой поползла по склону на гребень, наблюдать за преследователями.

Тимофею понравилась деловитость револьвера, с которой тот влипал в ладонь. Каждая мелочь в конструкции пугача было продумана до совершенства. Он повертел револьвер на пальце, как это делают в кино бравые ковбои, похожие на добрых разбойников с большой дороги. Потренировался молниеносно выхватывать его из кармана и взводить на лету курок. Наконец почувствовал себя другом револьвера, принял картинную позу стрелка без промаха и прицелился в противную препротивную бабу.

– Пах! Пах! – вскрикнул Кровач. Он хотел напугать шоферистку, но она и ухом не повела.

Теперь он понимал Таис из романа, валявшегося под креслом самолета... Понимал и страсть в которой сливались в одно целое ее ладошка и никелированный револьвер со щечками слоновой кости... Это было красивое метафизическое совоупление человека и револьвера.

Как не понять, бульдогу надоело дешевое пижонство Кровача и он рявкнул! Завоняло, словно весь мир сунули в яму отхожего места. Тимофей побежал прочь от машины, окутанной вонью. Чтобы развеселить женщину он потешно петлял, и дама, наконец, сооблаговолила вступить в игру. Она хохотала так, что не удержалась на гребне и скатилась по откосу на дно оврага...

Тимофей лег рядом. В промежутках между засосными поцелуями он ловил жадными ноздрями ее частое духовитое дыхание и балдел. Погрузив язык в ложбинку меж грудей, он вспомнил о Сусанне, это местечко обеих женщин было неразличимо... До соленого пупка он добрался... Но ниже спуститься губами не посмел... Женщина поняла как он страдает от боязни оплошать и с силой постучала по его лбу маленьким, костяным кулачком...

– Тоже мне насильник нашелся... Хватит меня мучить...

Они вскарабкались на гребень и продолжили шаловливый петтинг. Столб пыли переместился на другой холм. Пропал в лощине. Вновь появился и снова пропал.

– Эдик обкурился и не может найти дорогу на мельницу... – прошептала женщина в шею изнемогающего мужчины.

Ожидание затягивалось. Тимофей расстегнул блузку, бережно вынес на солнце напрягшиеся груди и растерянно посмотрел в розово карие зрачки сосцов. Он был безоружен перед их невинностью. Невменяемый взгляд сосков смирял похоть. Совершенно равнодушные к остальному телу женщины, они призывали боготворить себя. Кровач захотел чтобы и его сердце взяли голыми, чистыми и нежными руками и вложили в сердце женщины. Оно было готово принять его сердце и нетерпеливо билось по птичьему быстро и мелко. Женщина не играла, женщина волновалась искренне и это было хуже всего... Соблазнительница подтолкнула его руку себе под юбку...

– Сделай же что-нибудь. А то я чокнусь от воздержания...

Женщина перевернулась на спину, немного поерзала, выбирая лопатками и ягодицами местечко помягше. Расстегнула ширинку мужчины и захихикала.

– Я не могу сегодня поехать к вам. – Исповедался Кровач. – Как видите я не в форме.

– Дурашка мой... Это дело поправимое, но сейчас Я согласна на нежный петтинг. Ведь я в девках была лесбиянкой... Прикуси мой клитор и я кончу...

Тимофей почувствовал себя рядом с этой бесстыдницей старым, заскорузлым пуританином, с которого чуть ли не насильно сдирают черствую корку древних сексуальных предрассудков.

Они свернули на едва приметную не столько дорожку, сколько замуравившую тропу. Вскоре нырнули в перелесок и дама расслабилась...

– Теперь им нас не догнать. Зовут меня Жанетта. Ваша фамилия, сказала Валя, – Кровач? Паспорт она проверила. Прописка в порядке... Женат...

– Это не важно. Я приеду к вам. Сдам отчет в институте и приеду.

– Валя – теперь шишка, – кадровик с “Серпа и молота”... Так вот, Кровач, я когда лет десять назад искала в этих краях дачу, все закоулки облазила. Могу порекомендовать неплохую усадьбу в Кривино. Не желаете ли стать соседом?..

Ролями они поменялись. На сцене теперь выкаблучивала Жанетт. Предвкушение долларового допинга возбуждало ее до неприличия. Жанетт перестала скрывать, что является не только материалисткой, но и ехидной бабой, если не язвой. Если бы не умная раскованная язвительность она могла показаться распутной.

Красота крашеной блондинки, даровая притягательная сила, так бездумно врученная ей Небесами в личное пользование при рождении, красота, которой только бы любоваться и любоваться, в глазах Тима обретала товарный вид. Нет, и в товарной форме красота этой динамичной, потрясающе естественной женщины не линяла. Смело отринув эфемерности очаровательного бескорыстия, Красота Жанны лишь повышала себе цену. И держать эту цену очень высокой – умели.

В цене Жанетт не уступала окружающему миру потребителей красоты ни гроша... Но бесценность, подлинное достоинство красоты, приближающейся к произведению высокого искусства, бесценность красоте Жанетт уже не грозила.

Они помчались по каким-то буеракам, мимо полуживых деревень.

– Все-таки чем вы не угодили рэкету? Бывает хапнет бедняга, а унести не может... Вам нужен адвокат с железной хваткой? Так вот она – я! Про меня говорят – крокодил. Как вы считаете, не обидна красивой женщине такая профессиональная аттестация?

– Мне приятно ваше преувеличенное внимание к моей особе, но, думаю, правда, о случившемся со мной интересна скорее юмористу чем адвокату...

– Не приbedняйтесь. Врать вы не умеете, пока. Вас загнали в угол... Я вот подумала, если вы не хотите ехать ко мне, может быть спрятать вас у меня на даче? Эдика я куплю с потрохами... Он будет сторожить вас как пес на цепи. Зачем вам в Москву? Поверьте, я адвокат с интуицией. Не бойтесь, я мафию хорошо изучила, хотя дел с нею стараюсь не иметь. Из принципа! Я всегда защищала порядочных людей...

– Защищали? – подколот безвкусно Тимофей.

– Именно – защищала беззащитных! Но сколько можно. Бедность неистребима. Она засасывает. Общась с бедностью – чахнешь от безысходности. Вы знаете, – я устала... Я молода, все при мне, не потасканное, привлекательное... Разве я виновата, что мне тоже хочется пожить... По-человечески...

– Пора расширять клиентуру. – Зевнул, не лицемеря, Тимофей.

– Точно! Что я и делаю. Вы присмотритесь ко мне повнимательнее. Ведь мы отличная пара. Мы созданы друг для друга. Мои недостатки уравнивают ваши достоинства. Я не кокетничаю.

– Вот теперь я понимаю как рисковал, напрашиваясь в вашу машину... Валя, даже Эдик – они не так опасны на деле... Как вы, дорогуша... Ведь вы специально последовали за Эдиком, чтобы принять участие в экспроприации моих шальных капиталов... Или их остатков...

Простите. Я действительно по гроб жизни вам обязан. Я удвою вам гонорар, – устало произнес Тимофей. – За откровенность. Я и хочу вас, страшно хочу вас трахнуть – именно за откровенность. При все своей показной распушенности Вы мне кажетесь едва ли не чище моей жены! Но у Сусанны вы меня не отобьете... Кстати. – Тим замылся слегка. – Позвольте я добавлю вам пару тысяч? Поймите меня правильно – я увеличиваю ваш гонорар за честность в деловых отношениях.

– О! Какой же вы неуклюжий идиот! Если вы умный человек вы поймете меня. Я умею не только тратить деньги любовника... А насчет вашей Сусанночки... это мы еще посмотрим.

Когда они выскочили на хорошо наезженный грейдер, Жанетт толкнула Тимофея плечом.

– Я же сказала вам – прорвемся!.. На меня можно положиться не только как на партнера по сексу или по делу. На меня можно опереться мужчине как на верную женщину. Вы знаете, я воспитывалась в детдоме. Я сама сделала себя. И добилась всего – одна, сама. Ведь вы не скажете, что я озлобилась на весь белый свет? Если я хочу пожить, наконец, с комфортом, это еще не значит, что я стала дрянью. Если бы я не уважала себя, что бы осталось от моей красоты... Прорвемся! А добавку к моему гонорару, из жалости добавку, я не возьму... Из Принципа... О, да вы засыпаете... Эх вас развезло от деревенской экзотики...

И на этот раз он проснулся точно в нужный момент. Жанна перешла на третью передачу... Подъезжали к посту Гаи на повороте в Аэропорт. Сердце упало в живот. Он украдкой глянул на Жанну. Сообразительная баба наслаждалась его испугом...

Голубой Опель, обгорелый, с вздыбленным капотом все еще торчал в отстойнике поста. Колеса и задние фонари уже сняты... Инспектор был при автомате и в бронежилете. Он возбужденно похлопывал жезлом по сапогу, пронизывая вора всевидящим взглядом... Тим поджал ноги. Хотелось забиться под сиденье...

– Миленький мой, что это вы так побледнели? Крупные же у вас нелады с законом.

Адвокаты нужны вам теперь как уколы для наркомана... Держите мою визитку. Я вам еще ой как пригожусь... Вам в какой район?

– Не скажу! Вы меня в конец запугали вашими зловещими намеками на мое криминальное нечто... Высадите на проспекте Вернадского а дальше я сам... Вот ваши пять тысяч. Я потрясен и не прощаюсь.

– Увы, мне причитается по уговору ровно три тысячи.

– Целую ручки, мой спаситель!

И побежал, рысью побежал Тимофей в метро к своей ненаглядной Сусанночке.... Эй! Эй! Сумку, сумку заберите!

У входа в подземку на урне колыхалась бухая девица, с лица – татарка. Опухшая, расписанная синяками, она опасливо кланялась, выставляя на публику свеженькую, младенчески розовую культу. Она была довольно хороша собой, но коротконогой. Чтобы усидеть на урне при поклоне, ей требовалось время от времени упираться носком левой босой ноги. Чтобы вернуть торс в достойное попрошайки положение, приходилось резко отталкиваться ногой. Другой рукой девица придерживала на груди разодранное до пупка платье...

Дергалась бедняга так потешно, что ее просьбы ссудить на похмельку никто всерьез не принимал. Поддатый каменщик с мастерком в авоське высыпал ей под ноги горсть мелочи и это все...

Тим прислонился лбом к бетонному столбу, оклеенному разноцветными объявлениями. " Я вор. Поймет ли меня Сусанна? Простит ли? Не лучше ли зарыть деньги в лесу и соврать?..

ГЛАВА 7

Сусанна услышала звонок из спальни, где красила батареи отопления “золотой” краской (бронзовая пудра на олифе). Дети на все лето у бабушки. Муж, поросенок, где-то шлындает, хотя должен был прилететь еще вчера...

Чем еще покинутой хозяйственной женщине отвлечь шемившее от недобрых предчувствий сердце, чем, если не дурацкой, отупляющей работой. Эту краску Тимофей (ну откуда у мужчины эстетический вкус) уже однажды высмеял и нужно было воспользоваться его непредвиденным отсутствием. Упрямого мужика следует поставить перед свершившимся фактом изящной покраски и навсегда положить конец спорам, что – красиво, а что – не красиво.

Телефонный звонок был обычный... Тим! Наконец-то!

Звонок был обычный, но сердце колыхнулось не радостно: не просто он пропал где-то целые сутки... Неужто опять котует? Женское провидение неприятностей сердце не обмануло...

– Алё! Соня? Ты чего так пыхтишь в трубку? Алё! Ты не в курсе, что там Тимофей натворил? – озабоченной скороговоркой спросил Владлен, брат Сусанны.

– Ничего не натворил! – Уверенно заявила Сусанна. – А что он мог натворить?

– Тебя что, дома не было?

– Владик! У женщины отпуск. Имеет она право прогуляться по магазинам?

– К вам приезжали двое лягавых из МУРА...

– Ну, а я при чем?

– Как это? Ты чо! Во, ты даешь! В натуре!..

– Господи! Так он же не прилетел! Как это я сразу не сообразила! Я не могу! Я чувствовала! Что случилось? Говори немедленно, что с Тимофеем?

– Пока не знаю. Мой человек участвует в расследовании. Против Тимофея ничего нет, он нужен как свидетель. А там кто его знает. Случается, что самый невиновный оказывается главным закоперщиком. Усекла? Но раз интересуются – значит жив...

– Как это – жив? Он мог быть и не жив?

– Не дергайся!

– Дай машину! Я еду в аэропорт! Ты врешь! Самолет разбился! Ты понимаешь? Самолет скovyрнулся и все погибли! – сырым от подпирающих слез, срывающимся голосом заголосила Сусанна. – Ты понимаешь? Он разбился! Предчувствия меня не обманывают!.. Дай машину...

– Уймись... Из аэропорта он выехал еще вчера. Вдруг решил заехать сначала к матери, повидать ребятишек? Разве так не может быть? Не видел почти месяц. Все-таки отец.

– Он без меня не поедет!

– Ну, возможно, был под мухой. Вырубился, залетел, в вытрезвилке? Он любит у тебя скорость, когда поддаст...

– Нет! Нет и нет!

– Да успокойся ты! Успокойся и жди...

– Не заговаривай мне зубы! Ты что-то скрываешь! Не томи... Тима погиб?

– Ха! Ну, знаешь ли!

– Так живой или не живой!?

– Соня! Или уймись, или я брошу трубку! Завтра приедут менты, – немедля звони мне. Тебе скажут где я буду... Не бери в голову, цыпочка моя. Разберемся...

– Ну, я... Да, я ему...

Кисть была новая, краска ложилась отлично, но смотреть надо было в оба: то и дело кисть оставляла черные волоски... Монотонная красивая работа, прямо-таки впитывала беспокойство, освобождая в сердце все больше места для надежды, что Тимочка жив и невредим...

Когда в прихожей нетерпеливо щелкнул замок, Сусанна уже вполне владела собой. Она даже не забыла скинуть прихваченный на работе траурно черный халат, прежде чем в одних трусиках повиснуть на шее... очень! очень, очень! любимого мужа.

Холодным носом Тимофей рылся у Сусанны за ухом, вдыхал запах еще вчера приготовленных к встрече волос и хрипло, загнанно шептал:

– Умираю... Умираю от любви...

– Противный. Как я рада! Всю ночь глаз не сомкнула! И редела, и таблетки глотала, и в морги звонила...

– Налей холодненького из-под крана попить и марш в койку!

– Ты меня не любишь! Ты...

– Твой запах... Как я спешил к тебе... Мне снился Твой запах... Даже краска не перебила...

Он сильно поцеловал Суси в не накрашенные, чистые от постороннего вмешательства губы... Стал на колени и как к иконе приложился к затвердевшим в разлуке грудям жены...

– Ягодка-клубничка... Какая свежая... Какая душистая ягодка... Затем взасос поцеловал пупок.

– Где ты пропадал целую ночь, – едва отдышавшись от поцелуев, настаивала Сусанна.

– Боюсь признаться... Дай попить... Дай прийти в себя... Не верится, что я – дома, и живой... Душ, и в койку... Нет, сначала на горшок и – в койку!

Тимофей поспешил в туалет.

– А подарки любимой жене? Ты обещал привезти крабов.

Сусанна подняла с пола халат и крадучись приблизилась к сумке с располневшей пумой на боку.

– Поройся в сумке... – Стонущим от удовольствия голосом ответил нависший над унитазом Тимофей. Он любовался толстой золотистой струей, готовой забодать унитаз... Какое просветление, как играет каждая жилка!.. Не где-нибудь под кустом, впопыхах, а дома, священнодействуя...

Когда он вышел из туалета, обнаженная Сусанна, паясничая, извивалась перед зеркалом трюмо. Даже трусишки скинула. Тут же лежал квадратный футляр, оклеенный золотой фольгой. Притихшая Сусанна осторожно примеряла ожерелье, зловеще тлеющее неукротимым огнем порабощения... Какая роскошь! Я-я-язык отнялся... Неопишуемая роскошь. И этой красоты он столько раз мог сегодня лишиться...

Сусанна так преобразилась в лучах драгоценностей, что Кровач сначала не узнал ее отражение в зеркале. Повернувшись к нему лицом, в свою очередь, и Сусанна, освещенная восторгом, не узнала его, затрапезного, небритого, отставшего от полета ее радости где-то далеко, в тусклом мире прошлого.

– Отличная бижутерия... – Голос Сусанны был неблагодарно будничным.

Тимофей не мог отвести глаз от сваленных в небрежную кучу перстней, сережек, второго ожерелья и браслета с огромными рубинами... Голодные волчьи отсветы настораживали. Теперь-то ему была безразлична откровенная мания величия ограненных камней. Его удивляло только то, как, несомненно, музейные драгоценности оживали от прикосновений к прекрасной женской груди. Своим теплом груди вытесняли из древних бриллиантов многовековой холод одиночества. Как же они оголодали под замком в вельможных ларцах и музейных витринах...

– Я смотрю, чешская работа... Жаль, несколько старомодна...

– Ошибаешься, Малышка-Су. Камешки доподлинные.

– Брось трепаться, Кровач.

– Ей, ей!

– Держите меня... Мне плохо... – Пискнула Сусанна и бросилась мужу на шею.

– Су-си! Посмотри на меня. Это я! Я приехал... К черту побрякушки! Где твои объятья...

– Милый, прости. Ты сделал мои сны явью. Я не пойму, что со мной происходит. Я не девочка, я мать двоих детей, но не чувствую своего возраста... Это прекрасно...

Бриллианты потакали самообману женщины. Согреваясь на груди женщины, они любовались, как крепнет их магическая притягательность. В прозрачной бессердечности камешков оживала ирония избранников Вечности. Камешкам нравилось превращать обмиравших от счастья поклонниц в послушных зомби своего недоброго блеска.

Боже Всемогущий! Что ты позволяешь себе!? Сусанна всего лишь слабая женщина! Разве мне справиться с ее слабостью!? Одного взгляда на эти ювелирные цацки достаточно, чтобы сердце околдованной женщины, воскликнуло: Мое! И никакого значения уже не имело, что бриллианты чужие! Сердце женщины не интересуется, как я завладел драгоценностями. Мое – и все тут! Сусанна сходит с ума! Боже! Ты оставляешь меня наедине с безумной страстью женщины обладать блеском краденых украшений...

Сусанна уже не просто любовалась безжалостным блеском камней, Сусанна Желала Камней, желала со страстью большей, чем женщина желает красивого мужчину... Один за другим она примерила перстни. Перстней хватило даже для пальцев ног. Цвет алых губ Сусанны подчеркивал внутреннее кровавое свечение рубинов. Зелень радужной оболочки увлажненных волнением глаз, радостно сочетались с глубинным таинственным мерцанием изумрудов... Драгоценные Камни были первыми красавцами на балу, устроенном классической грудью Сусанны в честь Высокого ювелирного искусства.

– Вот такой я появлюсь в театре...

– Пардон! Без штанов?

– Какой же ты все-таки... Завтра заявлюсь на работу... Надо получить отпускные... Надену вот этот и этот перстень и серьги... Пожалуй, еще вот эту скромную нитку розового жемчуга...

– Сусанна, ты самый лучший бриллиант этих украшений, но довольно, хватит играть с огнем. Будь добра,ними эти страшные цацки...

– Что случилось?

– К несчастью, мне придется... ну, кое с кем поделиться...

Сусанна обиженно захлопала пушистыми, мило завернутыми вверх ресницами.

– Я думала ты это подарил мне...

– Чудачка, естественно, все это – твое, твое... Но пойми... Попозже.

– Оставь мне поносить хотя бы вот эти старинные серьги...

– Ласточка моя...

– Не скупись, хотя бы вот этот изумрудный перстенок... По гороскопу это мой благотворный амулет. Он такой аккуратненький. Отсутствия Его и не заметят...

– Суси! Не трави душу! Тебе же будет спокойнее...

– Ах, какой же ты бяка... Лучше бы не показывал вообще.

– Душа моя! Не злись. Сними, будь добра... Я боюсь за тебя.

– Святые угодники! Какой романтический бред... Словно ты взял эти стекляшки в бою на шпагу...

– Не шути... Все-таки это настоящие бриллианты... На них столько крови... Людей убивали у меня на глазах.

– Хорошо, хорошо. Сниму, сниму я украшения... Еще немного поношу и сниму... А что, и доллары в сумке настоящие?

– И доллары – настоящие. Я разменял сотню, чтобы рассчитаться с таксистом... Прибор не кашлянул...

– Ах, милый мой аргонавт! Или Аладин? Или Капоне? А я заподозрила, – ты спутался там, на Дальнем Востоке, с мафией, и собираешься торганыть фальшивками...

Милое, когда-то ясное, открытое лицо постепенно жены покрывала теперь меловая маска полоумного величия. Сусанна стала выше ростом, изменилась посадка головы, словно бы увенчанной короной, подался вперед и чуть вверх подбородок. Даже обнаженная, минуту назад

бесконечно чувственная грудь променяла свою живую соблазнительность на декоративную, прямо-таки муляжную округлость выставочного экспоната. Сусанна больше не вертелась перед зеркалом, она тупо созерцала мистическое соитие своей нежной груди и безчувственных, каменных магов Вечности...

Тимофей сглотнул противный ком, закупоривший горло. Между ним и этой нестерпимо прекрасной женщиной, бывшей женой, пролежала мертвая зона странного отчуждения.

Он потерял виски, прогоняя наваждение. Он был лишним на торжествах венчания Сусанны и алмазов. Но нарушить обряд умопомрачения – не смел... Поздно. Слова бесполезны. Разве посмеет он открыть очнувшейся от самообольщения Красавице тайну уворованных украшений? Чем утешит, когда тайна лопнет? Что сможет пообещать взамен, отняв у нее первый, а, может быть, и последний Настоящий праздник очарования сердца... Нет, нет, нет! Сусанну нельзя будить, ее сердце, упав на твердь реальности, сплющится как пустой кошелек...

– Мне чудится, – бриллианты пленились моим обнаженным телом... Эти красавицы будут ревновать мои одежды... Жуткие ревнивцы! – бубнила Сусанна, надувая губки.

– Прикид – что надо. – Согласился Тимофей и пожегся.

– Я принимаю подношения, мой любимый принц... Благодарю...

– А дальше что? Куда мне теперь?..

– Я возьму вас в свою свиту...

– Радость моя, Камешки никуда не денутся. Прошу тебя, давай сначала займемся любовью.

Кровач ссыпал украшения в футляр, и защелкнул миниатюрный замочек. Не взглянув в глаза замороженной очарованием жены, окунул губы в ложбинку ее трогательной ключицы... Улыбка пробуждения слабо качнула губки Сусанны.

– Что-то мне нехорошо стало. Подташнивает... Весь день ничего не ела из-за тебя.

– Ну, мать, знаешь ли! Давай-ка исповедайся, от кого понесла?

– Не то. Это Дело вчера началось... Точно в срок... Тут другое... Это колье... Не кажется тебе, что оно слишком массивное? Оно полнит меня. А что если снять некоторые подвески?..

– Су-си! – Тим постучал пальцем по спинке кровати. – Ау! Очнись, моя голубка! Не торопи события. В любой момент может явиться хозяин этих бирюлек.

– Хозяин? Ты украл? Ах, да... Тимочка. Понимаю. Если не можешь, – не рассказывай мне историю этой красоты. Предлагаю сделать меня казначеем наших сокровищ. Никто лучше женщины не сохранит семейную казну...

– Радость моя, если ты не возьмешь себя в руки, я спущу этот мусор в канализацию.

Сусанна не спешила возвращаться на землю. Лицо ее не сбросило маски зомби бриллиантов. Решительные складочки в уголках губ подчеркивали жесткость созревающего в ее голове замысла. Она подплыла к валявшемуся в прихожей сумчатому золотому тельцу, небрежно ткнула в него жеманно выгнутым пальцем.

– Тима, сколько же в твоём бауле?.. Тысячи? Миллионы?

– Некогда была считать.

– Так улепетывал... Беденький мой...

– К тебе бежал, недогадливая моя... Довольно иронизировать...

Тимофей закипал от нетерпения. Он схватил Сусанну в охапку и стал теснить в спальню.

– Ночь коротка, бега предстоят мне долгие... Кто знает, когда еще свидимся...

– Даже так? Господь с тобой! Ты все обдумал сам? И не посоветовался...

Царапая губы о золотые завитушки колье, Тимофей покрывал ключицы жены сухими поцелуями. Нет, не все он узнал о жажде в проклятых зноем полях. Сусанна была не последним глотком счастья. Сусанна была первым, самым жгучим глотком. Трахнуть? Какое косноязычие! Он Желал ее выпить. До дна! До придонной грязи неподвластного моральным догмам оголтелого совокупления...

– Тимофей Савельевич! – сюсюкала Сусанна, кокетливо зажимая носик. – Вам не мешало бы принять ванну...

– К черту! Я так мечтал обнять...

– Обнять и тут же сбежать. – Обиделась Сусанна.

От самодовольно-кокетливого сопротивления он становился не просто яростнее, он становился самоуверенно грубым, немым, глухим, слепым и безмозглым... Тимофей задрал ноги жены...

– Ненормальный, покрывало испачкаем!

Колье ужалило левую грудь Сусанны. Тело ее резко напряжилось... Теперь не только руки ее сопротивлялись. Сусанна съезжилась от боли. К холодным рубинам ожерелья на груди Сусанны добавилась горячий перл алой крови... Тимофей слизнул с груди Сусанны кровавую росу и устало отвалился на спину. Желание перегорело.

Сусанна спохватилась и торопливо стала стаскивать с мужа грязные, жеванные брюки... Наткнувшись в трусах вместо штыка на баранку, – прижалась к Тимофею и, поспешно целуя в губы, стала срывать с него вонючую рубашку.

– Не волнуйся, милый. Ты переутомился... Отдохни... Мы в два счета поставим нашего ленивца на ноги!

Тимофей уткнулся в подмышку жены, прерывисто вдохнул ее запах, недостаточно смрад- ный и промолчал.

– Ты пугаешь, мой хороший... Даже не подготовил... У меня внутри вес окаменело от тоски... Я так тебя хочу... Ты же знаешь, я начинаю беситься от желания, когда у меня это дело...

Рука Тимофея вяло легла на живот Сусанны, но дальше не двинулась...

– Как я тебе сочувствую, котик мой... За тобой гнались?

– Не уверен... Хотя нет, гнались, да не те... Милиция быстро вычислит меня по госно- мерам Москвича... Но я не убивал. Ты веришь, что я не убивал?

– Родной мой, даже мысли не было! А с милицией мы справимся.

Голос Сусанны потеплел и, волнуясь, подрагивал. Она чувствовала себя виноватой в кон- фузе мужа и стремилась поскорее поправить положение...

– Я зябну. Погладь мои бедра, чувствуешь, – я вся в мурашках... Ой, совсем забыла! Владик звонил! Вот дура! Милиция уже приезжала...

– Что ж ты молчишь. – Тимофей вскочил, очумело потряс головой, – Кто они?

– Я ходила покупать кисточку. – Сусанна поймала руку Тимофея и потянула к себе. – Владлен сказал – они из милиции... Не бери в голову...

Тим не придал значения беспечности ее утешений. Но что? Что он должен предпринять? Он явно не готов так вот сразу вступить в схватку. Надо что-то придумать...

Он присел на край кровати, положил ноги Суси себе на колени и стал нежно поглаживать ступни.

Сусанна любила эту очень эротичную ласку. Она закрыла глаза. Получая удовольствие, Сусанна умела делиться удовольствием. Не то слово – умела... Ее присутствие умирало любое волнение души. В ее присутствии чудесным образом, в мгновение ока, разрешались самые неприятные проблемы...

На минуту тревоги отстали. Тимофей стал целовать лодыжки Сусанны и не видел как брови Сусанны насупились. Лицо подернула серая дымка тревожной задумчивости...

Так было всегда, когда Сусанну подчиняла какая-нибудь слишком глубокая мысль, чре- ватая для нее какой-нибудь потерей... На этот раз Сусанну угнетали обширные размышле- ния об опасности, пришедшей в ее уютный, мирный дом по стопам нашкодившего мужа. Она любила думать быстро, решения принимала еще быстрее. Но Трудности Тимофей при-

нес неожиданные, скандачка не разрешить... Сусанна начинала раздражаться. Тимофей это почувствовал. Ступни жены перестали отзываться на ласку.

– Не хмурься, Ласточка моя. Тебе не к лицу глубокомысленное выражение...

– Ты должен немедленно скрыться. Я не хочу с тобой расставаться, но твоя безопасность важнее моего желания. Я прикинула... Поедешь к маме на дачу, поживешь немного. А завтра я приеду.

– Ни за что! Я слишком люблю тебя, чтобы размениваться на какие-то шкурные соображения...

– Ты и на меня, и на детей накликаешь беду! Давай, я спрячу деньги и уезжай!

– Пошли они все в задницу! – взъярился Тим. – Если б я был так нужен милиции, – они оставили бы засаду! Сказали завтра – значит завтра! Пойми, у них служба, это такая тупая машина. Не такая уж я для них фигура, чтобы ночей из-за меня не спать. Встану пораньше – и слиняю...

– Да? Вообще-то ты рассуждаешь логично. Обними меня, мой ангел. Ну их всех! Бояться будем потом! А сегодня праздник нашей любви! Сейчас принесу лакомства... Хочешь трюфелей? Налить шампанского?

– Потом, потом...

– Верно! Любовь и только любовь! Любовь до утра! Море любви и ласки!

Тимофей посадил обвешанную бриллиантами женщину себе на живот...

ГЛАВА 8

Исчерпав первый прилив страсти, Сусанна лизнула Тима в ухо.

– Милый, давай посчитаем доллары... Я уже придумала где спрятать. В подвале, в нашем сарайчике. Откуда им знать, что у нас есть сарайчик? Про них все забыли. Там столько хлама! Старая стиральная машина, газовая плита бабушкина, унитаза... Рассуем или закопаем! Хорошо я придумала? Умница твоя прелестная жена? Сусанна собралась спрыгнуть с кровати...

– Да, совсем забыл! Полежи, канарейка моей души. Смотрю я смотрю, чего-то недостает на твоём шикарном теле... Ожерелье такое сиротливое в одиночестве... Оно теряется в сиянии твоей красоты... Так и тянет добавить чего-нибудь такого эдакого... Смотри! Это тоже будет твоим... Нет, закрой глаза... Что-то я тебе сейчас покажу-у-у...

– Ой! Красивое или вкусное?

– Потерпи, потерпи и воздастся...

Сусанна с блаженной улыбкой вытянулась золотой рыбкой на голубом атласном покрывале... Тим отыскал в сокровищнице замшевые мешочки, спрятал за спиной...

– Птичка моя, не подсматривай!

Кровач щедро осыпал Сусанну бриллиантами с головы до пяток.

– Щекотно...

Сусанна долго, с закрытыми очами, нежилась в предвкушении, может быть, главного удовольствия этого вечера. Потом медленно открыла заранее удивленные глаза... Но стоило ей пошевелиться, и бриллианты осыпались с ее тела... Заскакали по полу голубыми зарницами... Лишь один камешек задержался в кратере пупка...

Затаив дыхание, Сусанна долго рассматривала искрящийся диамант на свет.

– Ну и как? – насмешливо поинтересовался добытчик.

– Тима, ты прелесть, прелесть, прелесть. Я так люблю тебя! Ты совершил для меня чудо... Ты настоящий мужчина! Есть ли на свете еще одна женщина, которая вот так, запросто возлежит на россыпях алмазов. Я самая счастливая из смертных... Душа замирает... Представляю, сколько ты пережил ради меня...

– Ну, это еще впереди... – Тихо заметил Кровач, но Сусанна не расслышала его пророчества...

Она скрестила по-персидски ноги, собрала перед собой камешки в кучку, зажмурилась и простерла над кучкой руки.

Сусанна ворожила. Тимофей сел осторожно рядом, коснулся губами ее шелковистого плеча, погладил умиленно по головке и стал медленно пропускать меж пальцев ее русые, удивительно текучие, длинные–длинные, густые-густые волосы. Вот наградит же природа...

– Тимочка, я прозреваю будущее. Мы плывем по каналам Венеции... На мне... Ну, тут еще нужно подумать... Платье мы сошьем в Монте-Корло. Ты в ослепительно белом элегантном костюме. Вместо твоей противной кепочки шикарная тexasская шляпа... Я тебе такой подберу галстук! За-ка-ча-ешься!

– Канотье и тросточку!

– Фи, душа моя... Далее – Париж! Мы не будем томиться под испанским солнцем. Мы приобретаем приличную квартиру на Монмартре... Ты возвращаешься к живописи, я заканчиваю, слава богу, свою поэму...

– Это которая о роковой любви моряка и судомойки с камбуза? – захохотал Тимофей.

– Мой бедный профан! Меня не задевает твой плебейский хо-хо-хо! Я прощаю твое невежество. Ты до сих пор не понял, что это пламенный роман капитана дальнего плавания, а не простого матроса! И знаменитой солистки балета.

– Ну, уж! Твоя кузина Лерочка отличная танцовщица, но не солистка. А ее выдуманный поклонник такой же выдуманный капитан. И ты зря поощряешь ее выдумки, моя слезливая поэтесса. Она избрала тебя орудием своего претенциозного тщеславия. Ты пишешь заказную поэму для несостоявшейся гетеры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.